

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
КОМИССИЯ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

*К XVI Международному
съезду славистов*

МОСКВА
2017

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту №17-04-16033д, не подлежит продаже

Ответственный редактор

М.И. Чернышева

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАН Ю.Л. Воротников
академик РАН А.М. Молдован
профессор С. Ристич (Сербия)

Рецензенты

доктор филологических наук И.С. Улуханов
(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

кандидат филологических наук Э.Ф. Шимчук
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет)

Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд /
Л43 Отв. ред. М.И. Чернышева. – М.: ЛЕКСПУС, 2017. – 879 с.

ISBN 978-5-9909698-2-7

Итоговый международный труд «Лексикология и лексикография славянских языков» включает фундаментальные исследования ведущих специалистов из славянских стран и России. Благодаря теоретической обоснованности, глубине проработки материала и масштабности разноаспектного рассмотрения, а также анализу назревших проблем и формулировке задач, требующих решения, представленные в труде разработки вносят серьезный вклад в развитие современной славянской лексикологии и лексикографии и становятся ориентиром для дальнейших изысканий.

Lexicology and Lexicography of Slavic Languages. International collective work / Ed. by Margarita Chernysheva. – Moscow, 2017. – 879 p.

The final international collective work “Lexicology and Lexicography of Slavic Languages” contains basic researches written by leading experts from Slavic countries and Russia. It includes such subjects as: “Comparative Lexicography of Slavic Languages”, “Historical Lexicology of Slavic Languages” and “Historical Lexicology of Russian Language”. The theoretical validity, the depth of studied material, the scale of versatile consideration and also the analysis of the imminent problems and the formulation of the tasks requiring the solution – all this characterizes the collective work, that makes a serious contribution to the development of the modern Slavic lexicology and lexicography and becomes a reference to the point for the further scientific researches.

ISBN 978-5-9909698-2-7

© Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© ООО «ЛЕКСПУС», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (М.И. Чернышева)	7
------------------------------------	---

Часть 1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Д. Благоева (София, България) Проблеми на славянската тълковна неография	15
І.С. Гнатюк (Київ, Україна) Українська авторська фразеографія в східнослов'янському контексті	38
В.В. Дубичинский (Варшава, Польша) Контрастивная лексикография: словарь «Ложных друзей переводчика» versus словарь лексических параллелей	49
И. Крейчиржова (Прага, Чешская республика) Чешско-русские и русско-чешские словари: история и современность	79
T. Piotrowski (Wrocław, Polska) Porównawcza leksykografia języków słowiańskich. Słowniki z językiem polskim	93
С. Ристић, Н. Ивановић (Београд, Србија) Српска савремена дескриптивна лексикографија у поређењу са лексикографијом других словенских језика	111
М. Чоролеева, Ц. Георгиева (София, България) Славянски сравнителни речници с участието на българския език	120
Л.Л. Шестакова (Москва, Россия), В.К. Щербин (Минск, Белоруссия) «Словарь языка Пушкина» и «Слоўнік мовы Янкі Купалы»: опыт сравнительного анализа	151
А. Ярошова (Братислава, Словакия) Словацкая двуязычная лексикография в методологическом контексте: на примере словацко-русских и русско-словацких словарей ...	185

Часть 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В.С. Ефимова (Москва, Россия) Лексикология старославянского языка: проблемы и методы исследований	199
Болгария: Е. Мирчева (София, България) Проблеми и достижения на българската историческа лексикология	234 <i>и</i>
Македония: Л. Макаријоска (Скопје, Македонија) Осврт на историската лексикологија на македонскиот јазик	257 <i>и</i>
Польша: A. Zajda (Kraków, Polska) O słownictwie polskim poprzez wieki	277 <i>и</i>
Сербия: Р. Драгићевић (Белград, Сербия) Развој лексичког система српског језика од прасловенске епохе до почетка XXI века	332 <i>и</i>
Е.И. Якушкина (Москва, Россия) Историческая лексикология сербского языка	355 <i>и</i>
Словакия: I. Valentová (Bratislava, Slovensko) Lexikografické spracovanie slovnjej zásoby predpisovnej slovenčiny	363 <i>и</i>
Словения: M. Merše (Ljubljana, Slovenija) Slovenska zgodovinska leksikologija – dosežki in problematika	379 <i>и</i>
Украина: О.В. Прискока (Київ, Україна) Огляд праць зі східнослов'янської та староукраїнської лексикології	412
Хорватия: B.Z. Tafra (Zagreb, Hrvatska) Leksičko-semantički odnosi u hrvatskom jeziku iz dijakronijske perspektive	465 <i>и</i>

Часть 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Е.В. Генералова</i> (Санкт-Петербург, Россия) Лексика европейского происхождения в непереводах памятниках русского языка XVI–XVII вв.	491
<i>И.Г. Добродомов</i> (Москва, Россия) К изучению тюркского лексического вклада в русском языке (итоги и перспективы)	534
<i>В.Н. Калиновская, С.А. Эзериня</i> (Санкт-Петербург, Россия) Лексическая семантика в пространстве «Словаря русского языка XIX века»	543
<i>И.А. Малышева</i> (Санкт-Петербург, Россия) Из истории изучения лексики русского языка XVIII века	556
<i>С.А. Мызников</i> (Санкт-Петербург, Россия) Лексика прибалтийско-финского происхождения в памятниках письменности и в русском литературном языке	582
<i>М.О. Новак</i> (Казань, Россия) Об изучении церковнославянской лексики (вторая половина XX – начало XXI в.)	601
<i>Г.В. Судаков</i> (Вологда, Россия) Русская историческая лексикология донационального периода (XI–XVII вв.)	615

Приложение

ПЕРЕВОДЫ

<i>И. Валентова</i> (Братислава, Словакия) Лексикографическая обработка лексического состава словацкого языка долитературной поры (перевод Г.Я. Романовой)	669
<i>Р. Драгичевич</i> (Белград, Сербия) Развитие лексической системы сербского языка от праславянской эпохи до начала XXI века (перевод Е.В. Куренковой)	688
<i>А. Зайда</i> (Краков, Польша) О польской лексике сквозь века (перевод В. Шетэли и М.А. Пузиной, редакторы С.В. Некрасова, М.О. Новак)	712
<i>Л. Макариоска</i> (Скопье, Македония) Экскурс в историческую лексикологию македонского языка (перевод А.И. Чиварзиной)	764
<i>М. Мерше</i> (Любляна, Словения) Словенская историческая лексикология – достижения и проблематика (перевод Е.В. Сагалович)	784
<i>Е. Мирчева</i> (София, Болгария) Проблемы и достижения болгарской исторической лексикологии (перевод Е.А. Баньковой)	823
<i>Б. Тафра</i> (Загреб, Хорватия) Лексико-семантические связи в хорватском языке в диахронической перспективе (перевод Е.В. Куренковой)	846
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ	876

церковнославянской Библии, типикона, келейных молитв, акафистов, святоотеческой и житийной литературы. В словаре фиксируются также фразеологические сочетания, что позволяет продемонстрировать преемственность библейской образности и литургической поэзии.

Следует отметить также, что в новейших словарях от выпуска к выпуску углубляется исследование источников и возрастает уровень филологического комментирования – в том числе, и связей церковнославянской лексики с греческими и латинскими оригиналами⁸⁵.

В завершение обзора выскажем пожелание, чтобы все находки лексикологов – па-леославистов и русистов – как можно скорее находили свое отражение в лексикографических изданиях.

⁸⁵ Развитие в указанном аспекте «Словаря русского языка XI–XVII вв.» описано в статье: *Чернышева М.И.* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (критический анализ) // Українська і слов'янська тлумачна і перекладна лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові. Київ, 2013. С. 309–316; *она же*. Опыт работы со славянскими переводами с греческого языка в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» // Лексикографіята в началото на XXI в. Доклади от Седмата международна конференция по лексикографіята и лексикология (София, 15–16 октомври 2015 г.) / Сост. Д. Благоева, С. Колковска. София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2016. С. 38–48.

Г. В. СУДАКОВ

Вологда, Россия

Русская историческая лексикология донационального периода (XI–XVII вв.)

Традиционно принято, характеризуя развитие исторической лексикологии, приводить библиографические данные о результатах изучения отдельных фрагментов лексико-семантической системы и их комментировать. Этот вариант мы используем тоже. Но нам представляется более важным концептуальный подход к освещению истории становления исторической лексикологии русского языка и к проблемам её современного развития. Исходя из этого, начнем с изложения начал исторической лексикологии русского языка: предмет, задачи, источники и методы; периодизация истории русского слова; языковая ситуация и её влияние на историю лексического состава (на примере языковой ситуации в Московской Руси); оценка языкового сознания древнего русича. Далее изложим современные актуальные проблемы исторической лексикологии русского языка. Будет уделено внимание также вопросам семасиологии исторического слова. Используя художественные тексты, рассмотрим жанрово-функциональный аспект в употреблении древнерусского слова. Отдельно оценим состояние и проблемы лингвогеографического изучения исторического слова, достижения в этой области проиллюстрируем справкой о диалектных объединениях в языке Московской Руси XVI–XVII вв.

Содержание исторической лексикологии русского языка – это: выявление источников, путей и процессов пополнения лексической сокровищницы языка на разных этапах его истории; изучение генезиса и динамики развития отдельных лексико-семантических групп, процессов обновления и устаревания отдельных слов и целых их объединений; определение направления и закономерностей изменения лексико-семантической системы, выявление специфики этих изменений в разных сегментах словаря; анализ эволюции сфер употребления и стилистических качеств разных групп лексики в связи с развитием типов литературного языка и динамикой отношений литературного языка и «нелитературных» разновидностей общенародного языка, воздействие контекста на функциональные качества лексики; характеристика территориального распределения лексики, учет исторических изменений в соотношении общерусских и местных средств, определение вклада отдельных говоров и наречий в общерусский лексический фонд, территориальная приуроченность семантических изменений.

Теоретические и методологические основы этих явлений были разработаны В.В. Виноградовым, Б.А. Лариным, Ф.П. Филиным. Большой вклад в разработку отдельных аспектов исторической лексикологии русского языка внесли Г.А. Богатова, Е.Н. Борисова, С.С. Волков, Л.А. Глинкина, В.Г. Демьянов, В.Я. Дерягин, А.А. Зализняк, В.В. Колесов, С.И. Котков, А.П. Майоров, И.А. Малышева, З.М. Петрова, Е.Н. Полякова, Ю.С. Сорокин, Ю.И. Чайкина, М.И. Чернышева и др.¹

1. Начала исторической лексикологии русского языка

1.1. Историческая лексикология русского языка: предмет, задачи, источники и методы

Теория исторической лексикологии русского языка постоянно совершенствуется. Практика научных исследований показывает разное понимание специалистами не только предмета и объекта исторической лексикологии, но и неодинаковую трактовку задач и содержания этой дисциплины, ее источников, хронологических границ периодов истории языка, взаимоотношений исторической лексикологии с этимологией, историческим словообразованием, диалектологией, исторической стилистикой.

Первым русским лексикологом, коснувшимся одновременно и проблем истории слова, стал М.В. Ломоносов. Научный трактат М.В. Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» назван автором предисловием². *Предисловие* – редкий жанр, так называли в то время научные сочинения на наиболее важные темы. Ученый сам стремился подчеркнуть принципиальную важность этого труда среди других своих сочинений. Эта работа была помещена в начало первого тома «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова», изданного, если судить по объявленной дате, в 1757 г. Но фактически том

¹ Славянское языкознание. Указатель литературы, изданной в СССР с 1979 по 1981 г. с дополнениями за предыдущие годы, в 3-х частях. М.: АН СССР. ИНИОН; ИРЯ, 1988. Ч. 1. 278 с.; Ч. 2. 292 с.; Ч. 3. 286 с.; История русского языка XI–XIX вв.: опыт библиографической систематизации исследований и материалов, опубликованных в России с 1976 по 2009 г. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2010 352 с.

² Ломоносов М.В. Поли. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: АН СССР, 1952. 996 с.

вышел в свет в 1758 г.³ Это самая последняя по времени создания и, на наш взгляд, наиболее основательная филологическая работа русского гения.

Многие оценки и утверждения, изложенные здесь Ломоносовым, были сформулированы впервые в отечественной гуманитарной науке.

Первое выдающееся открытие Ломоносова, опередившее традицию времени, – это мысль о различии «славянского» (старославянского) и русского языков. Важно, по мысли Ломоносова, то, что старославянский язык выступил восприемником и передатчиком греческой культуры слова русскому языку. «Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славянском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славянском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным достатком велико, и к приятию греческих красот посредством словенского сродно»⁴.

В трактате охарактеризованы во взаимодействии структура русского литературного языка и три группы слов – «три рода речений» – литературной лексики. Попутно Ломоносов выделил ещё две группы, которые «выключаются» из литературного языка, поскольку их «ни в каком штиле употребить не пристойно»: 1) «неупотребительные и весьма обветшалые», 2) «презренные слова». За этим скрывается впервые отмеченное Ломоносовым различие между литературным языком и нелитературной частью общенародного языка.

Далее важны критерии, на основе которых Ломоносов описал эти пять групп лексики. Г.П. Блок и В.Н. Макеева увидели два признака: «по принадлежности слова к русскому или церковнославянскому языку и по степени употребительности слова»⁵. В.П. Вомперский учел три признака: 1) «пристойность», т.е. соответствие слов «материям», теме повествования или рассуждения; 2) степень употребительности в разных сферах общения; 3) понятность⁶.

На наш взгляд, при классификации лексики Ломоносов исходил из пяти признаков: 1) происхождение (или «представленность» в славянских языках); 2) время или продолжительность употребления («которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны»); 3) сфера употребления: «употребляются мало, а особливо в разговорах», «нет... в церковных книгах», «употребить... только в подлых комедиях»; 4) частота употребления («кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны»); 5) эмоционально-экспрессивная окраска («презренные слова, которые ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях»). Предложенные Ломоносовым пять взаимосвязанных критериев характеристики слова – это первая в отечественном, да и в европейском языкознании того времени попытка семантико-стилистического анализа слова.

Изучение истории русского слова началось фактически во второй половине XIX в., хотя специальные исследования по этим вопросам появлялись в то время очень редко, «история слов была поглощена – вернее, еще не отдифференцирована – от этимологи-

³ Вомперский В.П. Риторика в России XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1988. С. 166–167.

⁴ Ломоносов М.В. Поли. собр. соч. Т. 7. С. 587.

⁵ Блок Г.П., Макеева В.Н. Приложения // М.В. Ломоносов. Поли. собр. соч. Т. 7. С. 895.

⁶ Вомперский В.П. Риторика в России XVII – XVIII вв. С. 143.

и»⁷. Между тем А.А. Потебня в пору общего увлечения фонетикой и морфологией писал: «В истории языка общего внимания заслуживает, конечно, исследование не звуковой наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов»⁸. Кроме трудов А.А. Потебни, обозначивших решительный сдвиг в историко-этимологической и семасиологической проблематике, назовем образцовую для того времени монографию А.С. Будиловича⁹ и ряд статей А.И. Соболевского, посвященных проблемам заимствований и сравнительному изучению древнерусских и старославянских слов¹⁰.

В советское время развитие исторической лексикологии стимулировалось исследованиями В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, С.П. Обнорского; выделяется также глубиной разработки фактического материала и фундаментальностью рассматриваемых проблем одна из первых книг, посвященная исключительно истории лексического состава, – монография

Ф.П. Филина¹¹. В изучении истории лексики в советскую эпоху можно выделить два этапа. Первый этап приходится на пятидесятые–шестидесятые годы, когда был выполнен целый ряд работ, посвященных анализу лексики отдельных памятников или группы текстов, однородных в жанрово-стилистическом отношении. Тогда же появляется первое обобщающее исследование – книга П.Я. Черныха¹², до сих пор не утратившая своей ценности и превосходящая по глубине разработки проблем вышедшие позднее монографии зарубежных авторов¹³. Вместе с тем, в книге П.Я. Черныха не разграничены историко-лексикологический и этимологический аспекты анализа; наблюдения над функционированием слова, т. е. его историей, заменяются справками о разных версиях происхождения слова; хронология первых письменных фиксаций приближительна, а иногда – и ошибочна.

Стимулом нового оживления и началом второго этапа в развитии исторической лексикологии явились разработка принципов лингвистического источниковедения и серия осуществленных на этой основе изданий древних текстов XI–XIV вв. и скорописных памятников XVI–XVIII вв. Параллельно развивались в это время историческая лексикология и историческая лексикография. Мощным активизирующим фактором стало издание «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» – с 1974 г. (ЭССЯ), «Словаря русского языка XI–XVII вв.» – с 1975 г. (СлРЯ XI–XVII вв.), «Словаря русского языка XVIII века» – с 1984 г., «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» – с 1988 г. (Сл. XI – XIV вв.), «Словаря обиходного

⁷ Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М.: Высшая школа, 1977. С. 11–43.

⁸ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. С. 5.

⁹ Будилович А.С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Т. 1–2, 1878–1882. 278 с.

¹⁰ Соболевский А.И. Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. 1–3. Варшава, 1910–1914; Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. 297 с.

¹¹ Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 80. Л., 1949. 288 с.

¹² Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнейший период. М., 1956. 243 с.

¹³ Еленский И. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, 1980. 293 с.; Kiparsky V. Russische Historische Grammatik. Bd. III: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» – с 2004 г. (СОРЯ). Ни один из этих словарей пока не издан до конца¹⁴.

Было опубликовано большое количество источников, началось изучение поистине неисчерпаемых фондов рукописей делового содержания XVI–XVII вв. Обязательными моментами в научных опытах этого периода являются привлечение новых рукописных материалов, использование вариантов и редакций памятников, учет территориальной приуроченности и жанрово-содержательной характеристики текстов. Отрадно было и появление новых проспектов «Исторической лексикологии русского языка»¹⁵.

Констатируем в качестве проблем современного развития отставание в разработке методологических и методических вопросов исторической лексикологии, а также отсутствие координации и редкие попытки коллективных исследований. Сошлемся на мнение О.Н. Мораховской, высказанное около сорока лет назад: «Наиболее актуальным для настоящего времени представляется разработка такого проспекта, который освещал бы постановку проблем на основании аналитического обзора всего того, что исследовано по теме... Важно представить разработанность проблематики исторической лексикологии русского языка, как-то сгруппировать исследования по проблемам, по аспектам, по методам. Тогда будет возможно увидеть то, что наиболее разработано, и то, что требует более детальных конкретных исследований» (из ответов на анкету Института русского языка по исторической лексикологии¹⁶). Ощущается необходимость в специальном библиографическом указателе и проблемном обзоре литературы по исторической лексикологии русского языка, что важно для установления степени изученности истории лексики, выявления «белых пятен», составления списка неизученных тематических групп, неисследованных памятников, а также для оценки вклада разных ученых (отечественных и зарубежных) в изучение истории русской лексики.

Предметом русской исторической лексикологии как самостоятельной научной дисциплины на современном этапе являются лексико-семантические и фразеологические средства русского языка в их эволюции с начала письменной истории языка до современного состояния. Формирование и функционирование этих средств в силу тесной связи лексики с внеязыковой действительностью рассматривается с учетом развития духовной и материальной культуры общества: появление целых групп новых слов зачастую связано с историей хозяйства, культуры и быта данного этноса. Но конкретное содержание лексических новаций все же определяется языковыми факторами: словообразовательными возможностями данного языка, его «общежителными» потенциями, т. е. активностью контактов с другими языками и восприимчивостью к иноязычным заимствованиям.

Словарь языка – не хаотичное собрание элементов. Разумеется, в любой момент истории не все элементы словаря включены в строгие системные отношения. Систем-

¹⁴ См. основательную, хотя и излишне задиристую, вопреки академической традиции, статью: Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 103–118. См. также: Чернышева М.И. Русская историческая лексикография // Славянская лексикография. Международная коллективная монография. М.: Азбуковник, 2013. 886 с. С. 615–645. К сожалению, нынче перечень проблем в исторической лексикографии увеличился.

¹⁵ Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск: КГПУ, 1997. 104 с.; Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка: Проспект. М.: Наука, 1984. 174 с.

¹⁶ Русская региональная лексика XI–XVII вв. М.: Наука, 1987. 250 с.

ность лексики в силу ее открытости – это тот всегда не достигаемый или тот постоянно нарушаемый предел, к которому стремится развитие языка, это система с некоторым количеством постоянных и с еще большим числом вариативных элементов. Характеризуя состояние словаря в целом, было бы, наверное, экономнее идти по линии описания системных тенденций в эволюции лексических групп. Признание системных начал в организации лексико-семантического уровня языка обусловило и выбор основного объекта исторической лексикологии: таковым является лексико-семантическая или тематическая группа в ее эволюции. Исходной единицей анализа, конечно, остается слово и набор воспроизводимых, а также связанных словосочетаний с этим словом, но уже как элемент, компонент системного целого. Семантический объем исторического слова выявляется только в сочетаемости, а системность лексики, какой бы исторический период ни иметь в виду, убедительнее всего проявляется в синонимических рядах, в однокорневых гнездах слов, во взаимоотношениях генетически и функционально разнородных элементов с тождественной или близкой семантикой. Системность обнаруживается и в структуре полисемантического слова, в иерархии его значений.

Вопрос об источниках исторической лексикологии одновременно является и вопросом о границах русского языка, вопросом о том, лексику какого языка предстоит описывать. Исходя из понимания русского языка исторической эпохи как единства обиходно-разговорной и книжно-письменной разновидностей, легче решить вопрос об источниках обиходно-разговорного характера: это оригинальные тексты, написанные русскими на русском языке и связанные преимущественно с бытовыми и хозяйственными ситуациями.

Проблема источников книжно-письменного характера – это проблема разграничения русского (вначале – древнерусского) языка и языка церковнославянского. Решение этой проблемы на сугубо функциональной основе (считать русским все, что функционировало как средство общения на русской территории¹⁷) нельзя признать удовлетворительным. По отношению к лексике и ее источникам побеждает генетико-функциональный подход: русским является русское по происхождению и по сфере функционирования одновременно, а также все, усвоенное и приспособленное русским языком для удовлетворения разнообразных потребностей этноса в общении. Промежуточное положение занимают оригинальные тексты конфессионального содержания, сочиненные русскими авторами и неоднократно переписываемые на Руси в более позднее время: при известной ориентации на старославянские образцы эти рукописи являют собою результат взаимодействия двух родственных языковых стихий: старославянской и восточнославянской – и используются как ценный материал для сравнительно-сопоставительных исследований эволюции русской лексики на общеславянском фоне.

Приведем сложившийся в отечественной лингвистике набор рассуждений о разных типах источников:

1. Любой письменный источник, написанный на русском языке, является источником исторической лексикологии русского языка, независимо от материала для записи, от содержания, жанра, предназначенности, степени сохранности и т. п.

¹⁷ История русского литературного языка старшей поры. Проспект коллективного исследования / Сост.: А.А. Алексеев, А.А. Архипов, Е.М. Верещагин, В.П. Вомперский. М.: АН СССР. Ин-т русского языка, 1989. 32 с.

2. Переводные источники признаются наравне с оригинальными, хотя здесь постоянно учитывается зависимость лексики памятника от языка первоисточника¹⁸.

3. Принимается во внимание степень распространенности, употребительности (читаемости, использования в учебных целях, частоты и хронологической длительности переписывания), авторитетности источника. Также учитывается светское или профессиональное назначение памятника, поскольку это предполагает разные культурологические и историко-генетические подходы к лексическому составу содержательно неодинаковых текстов.

4. Источники устного бытования (фольклор, обычное право и т. п.) учитываются в записях позднего времени и показания их имеют силу для времени выполнения записи. На более ранние эпохи эти выводы распространяются с оговорками.

5. К дополнительным источникам относятся лексические материалы (апеллятивы и онимы), относимые к более ранним эпохам русского языка.

6. Сведения историко-этнографического, историко-культурного, археологического и пр. характера относятся к вспомогательным и требуют критической оценки в свете лингвистических данных.

Классификационный список источников учитывает три признака: 1) форма существования памятника; 2) материал для его выполнения (для письменных источников); 3) содержание.

Устная форма бытования представлена в фольклоре (сказки, былины, исторические песни, пословицы и поговорки) в записях XVII–XVIII вв.; пословицы и поговорки в описательных и художественных текстах древнерусского и более поздних периодов. Уделяется внимание текстам обычного права («Русская правда», местные правовые установления, описанные в источниках XVI–XVII вв.).

Начальные образцы письменности – это эпиграфика (граффити храмов, надписи на камнях), сфрагистика, геральдика, нумизматика, надписи на предметах быта и ремесла, на предметах культа и фресках, берестяные грамоты.

Пергамен и бумага представляют агиографию (жития, слова, чтения, похвалы, сказания), гомилетику (слова, моления, поучения, оглашения и другие ораторские сочинения); описания историко-географического содержания (хронографы, летописи, хождения, «топографии»); естественно-научные описания (астрономические, математические, биологические и медицинские); сочинения хозяйственного, строительного, земледельческого содержания; руководства по военному делу, коневодству, солеварению и отдельным ремеслам.

К письменным формам относятся также нарративная переводная повесть («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия» и др.); нарративная оригинальная повесть («Слово о полку Игореве», «Задонщина» и др.); юридические источники: грамоты и договоры, законоустановления, записи на книгах владельцев и переписчиков.

Богатство разговорной речи представлено в деловой письменности центральных и местных канцелярий, в эпистолярных источниках (послания, грамотки). С XIV века

¹⁸ См. опыты такого рода: *Чернышева М.И.* Проблема влияния греческого языка на язык переводных памятников в древнерусской книжности. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1994. 447 с.; *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. 403 с.

особенно возрастает роль деловой письменности как источника истории русского слова. В 1980-е гг. вышло несколько работ по этой проблематике, часть из них позже переиздана¹⁹.

Обратим внимание ещё на несколько последних по времени работ, разрабатывающих проблемы лингвистической содержательности памятников делового письма. Многоаспектный анализ корпуса деловых текстов в сравнении с литературными текстами выполнил О.В. Никитин²⁰. Обнаружено, что светские источники активно расширяли сферу применения, в новых типах гражданской письменности обогащался лексический фонд. Законодательные кодексы Московской Руси способствовали развитию и становлению письменного языка московского делопроизводства. Деловая письменность стала претендентом на роль главной письменной формы преднационального периода. Региональную деловую письменность XVIII века оценил в обобщающем исследовании А.П. Майоров²¹. Лексико-фразеологической содержательности записных кабальных книг XVI–XVII веков посвящена работа Е.И. Зиновьевой²². Обнаружено большое число элементов обиходно-разговорного характера, некоторая доля диалектизмов, довольно объёмные синонимические ряды, зафиксированы зачатки терминосистем и установлена значительная активность словообразовательных средств.

Содержание и задачи русской исторической лексикологии в трудах отечественных ученых постепенно обогащались и усложнялись. Оценим следующее мнение: «Главная задача русской исторической лексикологии заключается в том, чтобы выяснить, как происходило развитие лексических средств языка в целом, во всех его разновидностях – литературного языка и говоров, включая и профессиональную терминологию; в том, чтобы установить, с чего это развитие началось, как протекало, какие этапы прошло, установить хронологические рамки появления отдельных слов или целых групп и категорий слов; в том, чтобы объяснить, почему некоторые слова вовсе исчезли из живого языка, некоторые лишь выпали из ныне действующего словаря, почему одни слова сохранились без каких-либо заметных изменений их внешней формы или их обычного значения, другие изменились и в том и в другом отношении; в том, чтобы выяснить общие линии и тенденции направления в движении словарного состава русского языка, т.е., другими словами, изучить внутренние законы развития словарного состава в связи с историей языка»²³. Это высказывание подчеркивает первостепенную роль поэлементного и хронологического принципа в изучении истории лексики и

¹⁹ Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Наука, 1974. 322 с.; Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187; Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: ИРЯ АН СССР, 1980. 50 с.; Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности XVII – первая половина XVIII в. Новосибирск: Наука, 1985. 204 с.; Кортанова Т.В. Московский приказный язык XVII в как особый тип письменного языка. М., 1998. 110 с.

²⁰ Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). М.: МОПИ, 2004. 740 с.; он же. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII веков. М.: Флинта, 2004. 256 с.

²¹ Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Флинта, 2006. 264 с.

²² Зиновьева Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: структура, лексика, фразеология. СПб.: СПбГУ, 2000. 240 с.

²³ Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии... С. 3.

предпочитает вопросы: что? когда? почему? На второй план отодвигаются поиски закономерностей и генеральных направлений в эволюции словаря.

Но есть и другой подход: «Цель исторической лексикологии – выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории их развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные, устойчивые связи... Когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии – установить их взаимодействие. Намеки на это мы уже имеем в старых монографиях. Следующий этап исторической лексикологии – установление циклов, чередование медленного, эволюционного развития и переломов в развитии словарного состава, резких, глубоких изменений, протекающих в относительно ограниченное время»²⁴. Этим высказыванием Б.А. Ларин наметил принципы системного исследования истории словарного состава, что стало принципиально новым явлением в теории исторической лексикологии.

На каждом этапе развития науки выдвигаются новые проблемы. Первоначально внимание ученых было сосредоточено на вопросах развития словарного состава, выявления источников его количественного пополнения, отсюда – внимание к этимологии, появлению новообразований, иноязычных заимствований, процессам архаизации лексики. Гораздо меньше изучалась семантическая структура исторического слова, сущность лексико-семантических изменений в тот или иной период, сужение и расширение семантического объема слова, метафоризация и метонимия, воздействие контекста на динамику лексики. Остаются актуальными проблемы функционирования лексики в разных сферах, в памятниках разных типов²⁵. Работы В.В. Колесова, В.М. Мокиенко, А.Д. Васильева, М.И. Чернышевой и др.²⁶ показали важность культурологической интерпретации лексики, т. е. выявления связей между словом и этнографическими, историческими реалиями, философскими и религиозными понятиями, литературным этикетом эпохи. Сейчас полезно также сконцентрировать внимание на выявлении важнейших тенденций и закономерностей в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка, в изменении системы в целом или отдельных ее звеньев на основных этапах истории языка.

Важно подчеркнуть, что историческая лексикология – наука исключительно ди-ахронная. Разумеется, непреходимой границы между исторической и описательной лексикологией нет: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории»²⁷. Такими вопросами, выводящими описательную лексикологию в историю, являются, например, соотношения активной и пассивной лексики, архаичное и новое в словаре и т. д.

²⁴ Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии... С. 3.

²⁵ См. образцы: Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. 368 с.; Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. 208 с.; Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л.: Наука, 1970. 384 с.

²⁶ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1986. 311 с.; Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. СПб.: СПбГУ, 2000–2004; Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 462 с.; Васильев. Указ. соч.; Чернышева М.И. Уходящие слова, ускользающие смыслы. М., 2009. 196 с.

²⁷ Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 43.

Рассмотрим другое направление междисциплинарных отношений. Ономасиологический анализ невозможен без установления мотивационного признака (для исконных слов) и характерного словообразовательного средства (для производных), поэтому в историко-лексикологическом исследовании актуальна проблема взаимоотношения лексикологии и словообразования²⁸. Деривационный анализ помогает понять причины, направление и характер изменения семантики слова. Одной из примет системности является единый набор словообразовательных моделей и мотивационных признаков для всех элементов одной лексико-семантической группы.

Следующий аспект междисциплинарных связей – это отношения исторической лексикологии с историей русского литературного языка. Современные периодизации истории русского литературного языка основываются на изменениях лексико-фразеологического состава литературных текстов. Лексико-фразеологический уровень в значительной мере определяет темпы и направление изменений в литературном языке, обуславливает различия между его разновидностями (типами, стилями). С другой стороны, для полноты описания словаря эпохи важно учесть состояние лексики в разных жанрах и видах письменной речи, а опосредованно – и в устном общении, исследовать процессы стилистической нейтрализации народно-разговорных элементов в литературном языке, взаимодействие книжных и разговорных средств, специфику использования абстрактной и конкретной лексики в разных текстах.

Сложность стилистического изучения истории лексики состоит в разной наполненности понятия «стилистическая характеристика» по отношению к разным периодам истории языка. Учитывая ограниченность языкового материала, связанного с некоторыми историческими эпохами, исследователи стремились применительно к древнерусскому отрезку устанавливать лишь сферу функционирования слова; для эпохи XV–XVII вв., кроме этого, указывают степень конкретности–отвлеченности, активности–пассивности лексемы, характеризуют слова по признаку «книжное–нейтральное–разговорное»; при этом учитывается уровень разрешающей возможности языкового материала в зависимости от его полноты и доказательности. Однако, не следует навязывать и приписывать прошлому то, что не было ему свойственно.

Лексика в историческом плане изучена неравномерно. Предпочтение в первую очередь отдавалось группам, наиболее важным в аспекте отражения объективной действительности: географической и земледельческой лексике, этнонимам, терминам родства и свойства, ремесленной терминологии, наименованиям частей тела, названиям животных, лексике торговли и быта, названиям орудий труда и оружия; из словарного состава более позднего времени активно изучались терминосистемы разных наук, лексика культуры, интернационализмы. Исследованы названия качеств и признаков, цветообозначения, глаголы, обозначающие действия, движения и состояния.

Устойчивой лексике уделяют больше внимания при описании древнерусского словаря, а при описании последующих этапов отмечают лишь сдвиги в ее составе. Лексика, для которой характерна большая подвижность лексико-семантических и стилистических качеств (лексика сферы сельского хозяйства и быта, названия лиц и предметов

²⁸ См. работы: *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 247 с.; *Улуханов И.С.* Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012. 408 с.

по разным признакам, административно-юридические названия, слова, связанные с психическими свойствами и переживаниями человека, эмоциональная лексика, народная терминология) подробно описывается на каждом этапе исторического развития языка. В целом же полнота описания может быть достигнута не столько на пути полной инвентаризации, максимальной комплектности лексики (такая цель представляется нереальной), сколько за счет более глубокого и всестороннего описания процессов, охватывающих отдельные слова и целые лексические объединения.

Постоянно сохраняется значимость изучения истории терминов и терминосистем, см. серию работ по этой проблематике, выполненных в ряде научных центров исторической лексикологии и лексикографии русского языка, например, в Вологде (А.А. Баландина, Т.В. Винниченко, Л.М. Голиков, О.В. Дружининская, И.Н. Катаева, И.Е. Колесова, С.Н. Смольников и др.); в Екатеринбурге и Челябинске (Л.А. Глинкина, Е.И. Голованова, О.Г. Олехнович, Л.В. Попова и др.); в Томске (В.В. Палагина, Л.А. Захарова, Г.Н. Старикова, Щ.М. Чигрик, О.Г. Щитова).

Что касается частеречной принадлежности, то историческую лексикологию привлекают постоянно обновляющиеся классы слов с номинативным значением: имена существительные, связанные с ними тематически и словообразовательно имена прилагательные, наречия и глаголы, т. е. наиболее активные в процессе общения лексические средства. Чем богаче семантика слов, тем вероятнее необходимость их изучения в исторической лексикологии. История предлогов и союзов рассматривается в историческом синтаксисе. Числительные столь же детально изучаются в исторической морфологии.

В исторической лексикологии слово изучается во многих аспектах. Появление и оформление каждого нового аспектного направления имеет свою историю. Длительное время преобладал динамический аспект, т. е. регистрация количественных изменений в лексике в определенный промежуток времени и констатация наличия и отсутствия известных слов на нескольких синхронных срезах. Сейчас все решительнее утверждается ономаσιологическое и семасиологическое изучение исторической лексики, что влечет за собою закрепление системного подхода. Больше внимания уделяется внутрисловным связям значений, внутригрупповым семантическим связям слов, формальному и семантическому варьированию лексем. Укрепляющийся функциональный аспект формирует оригинальную сущность исторической лексикологии как науки, исследующей законы исторической жизни слова, особенности его бытования в языке разных эпох. По мнению В.М. Мокиенко, соотношение аспектов исследования должно определяться конкретным материалом: «Там, например, где давление экстралингвистических фактов на семантику лексики очень сильно, следует больше акцентировать ономаσιологический аспект, там же, где ее эволюция связана с системными языковыми связями – семасиологический. Во многом акцент описания будет зависеть и от периода описания. Так, варьированию следует уделить особое внимание при анализе лексики XVIII в., а функциональным “изменениям” – лексики XIX и XX вв.: это соответствует “духу времени”, которое подвергается описанию»²⁹.

Историческая лексикология, кроме традиционных: сравнительно-сопоставительного, нормативно-стилистического, использует и новые методы и приемы анализа язы-

²⁹ Историческая лексикология и лексикография русского языка. Вологда: ВГПИ, 1988. С. 38–39.

кового материала. Так, приемы структурно-семантического анализа (компонентный, дистрибутивный) неплохо служат при исследовании юридической, метрологической и другой подобной лексики, где между словами имеются четкие семантические противопоставления, а между понятиями, связанными с этими словами, – симметричные отношения³⁰. Перспективны методики «оппозиционного», группового рассмотрения лексического материала³¹. Эти методы помогают увязывать огромный фактический материал. В остальных случаях предпочтительнее приемы контекстуального анализа, так как историк языка всегда зависит от материала, ср.: «Объектом лексикологии, строго говоря, является не слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое, исследуемое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят и в его знаковой, и в его смысловой стороне»³².

Рассмотрение контекста становится всесторонним и критическим. Включая в число источников переводные тексты, например, с греческого языка, обязательно выявляется значение слова в переводном памятнике. Иногда из-за ограниченного объема русского контекста слову приписывают в полной мере то значение, которое имеет его эквивалент в языке-источнике, но ведь даже и прямые заимствования (грецизмы в древнерусских текстах) подвергались семантическому и стилистическому переосмыслению. Тем более не было абсолютного подобия между кажущимися тождесловами двух разных языков, связанных с разными культурами и неодинаковым мировосприятием. Толкование смысла слов, обеспеченных немногими и к тому же неясными цитатами, может быть только предположительным.

Применение оправдавших себя традиционных и уже проверенных новейших исследовательских методов и приемов обеспечивают не только современность исследований, но и необходимую строгость, которая зависит также от сознательной установки на приоритет фактов. Прямые свидетельства и доказательные факты признаются наиболее весомым аргументом.

1.2. О периодизации истории русского слова

1 января 2001 года человечество перешагнуло историческую границу столетия и тысячелетия одновременно. От нас стремительно отдалился двадцатый век, достоянием истории стал век девятнадцатый, сблизились со средневековьем восемнадцатый век. Язык «от Пушкина до Горького», очевидно, перестал быть современным. Проблема периодизации для исторической лексикологии русского языка стала особо актуальной.

Какие единицы, явления, процессы должны стать критериями для построения периодизации? На какие группы лексики или на какие процессы ориентироваться, намечая хронологическую схему? Как увязать ее с неравными темпами изменчивости разных пластов лексики? Как выбрать начальную точку отсчета с связи с неочевидностью

³⁰ См. образцы такого анализа в работах: *Смолина К.П.* Компонентный анализ и семантическая реконструкция в истории слов // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 97–105; *Быстрыкова О.И.* Названия мер жидкостей в русском языке XVII в. // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда: ВГПИ, 1987. С. 10–21.

³¹ *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М.: АН СССР, 1966. 416 с.; *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: Семантологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

³² *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 17.

единства и тождества русского языка на протяжении всего периода его развития, учитывая его и доисторическое (дописьменное) состояние? Целесообразно ли объединение в одно целое истории лексики двух родственных, но разных по времени функционирования языков: древнерусского (восточнославянского) X–XIII вв. и русского (с XIV в.)? Связаны ли между собою границы «лексических» периодов и акции нормативного характера, например, издание «Словаря Академии Российской» (1789–1794), «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук» (1847)? Где конечная точка отсчета для исторической лексикологии, где заканчивается ее компетенция и начинается современная синхронная русская лексикология?

Содержательные дискуссии по этому поводу проходили в восьмидесятых-девяностых годах прошлого века³³.

Выбор начальной границы, казалось бы, предельно прост. История русских лексико-фразеологических единиц начинается со времени появления древнерусского языка, который, непрерывно развиваясь, перешел в старорусский язык и т. д. Древнерусский язык старшей поры, по традиционной версии существующий с V–VI вв. н. э., не был зафиксирован письменностью, его фиксация начинается со второй половины X в. (письменные источники сохраняются с XI в.). Реконструкцией лексики дописьменных эпох занимается этимология, имеющая свой предмет и объект исследования, использующая свои приемы и методы. Как предлагал в свое время Ф.П. Филин: «начать с реконструкции словарного состава языка восточных славян дописьменной эпохи, когда устная речь в ее диалектных разновидностях была единственным средством общения»³⁴. Базой реконструкции становятся свидетельства древних авторов (на греческом, арабском, латинском языках), сравнительные данные из более поздних славянских текстов, диалектные факты.

Описать дописьменную историю древнерусской лексики невозможно без этимологии, но собственно историко-лексикологическое исследование начинается с обращения к письменным источникам прошлых эпох. Кроме того, в письменности старшего периода засвидетельствована далеко не полная картина языка, отражение реального словаря эпохи в этой письменности фрагментарно. Поэтому в историко-лексикологическом исследовании обязательны элементы реконструкции, в чем-то близкие этимологизированию по методам.

У исторической лексикологии и этимологии есть еще один общий объект: этимология слов, вошедших в русский язык в историческую, то есть письменную эпоху. Здесь данные письменных памятников, дополненные материалами исторического словообразования, играют первостепенную роль, здесь историческая лексикология помогает этимологии.

³³ См., например: Историческая лексикология и лексикография русского языка. Вологда: ВГПИ, 1988. С. 9–12; *Судаков Г.В.* Проблема периодизации в исторической лексикологии русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка: лексика и синтаксис. Калининград, 1990. С. 5–11; Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература. Сост. О.А. Черепанова, К.П. Смолина // Русская историческая лексикология и лексикография. СПб.: СПбГУ, 2000. Вып. 5. С. 229–232.

³⁴ *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка: Проспект. М.: Наука, 1984. С. 46.

Поскольку историческая лексикология – это наука об исторических изменениях письменных источников, то этим определяется и начальная дата для исторической лексикологии русского языка (но не для истории лексики) – вторая половина X в.

Временные границы при периодизации истории языка или истории отдельных его уровней условны (не абсолютны, относительны), но они должны отражать имманентные, свойственные именно лексической системе принципиальные сдвиги. Критериев для выделения «лексических» периодов может быть несколько. Рассмотрим их в порядке, соответствующем их значимости в истории развития лексико-фразеологического состава русского языка.

Прежде всего учитываются преимущественные источники пополнения словаря: внешние заимствования или свои, исконные средства. Так, на раннем этапе письменной истории русского языка важную роль играл греко-славянский симбиоз. Для разных словарных групп источники пополнения в один и тот же период были заметно неодинаковыми: отвлеченная лексика в древнерусский период – в значительной части сколок греческой мудрости, а конкретные наименования бытового характера самобытны по происхождению и наследуются из праславянской эпохи. Важны также процессы освоения диалектной лексики или активизация отдельных типов новообразований непосредственно в литературном языке или в сфере просторечия.

Вторым критерием избираются преимущественные тенденции (направления) лексико-семантических изменений. При этом учитываются изменения в структуре литературного языка, в составе говоров и в их отношениях с литературным языком, расширение словарного состава (какие именно предметно-тематические и лексико-семантические группы пополняются, какие деривационные процессы активизируются). Учитывается ситуация с семантической диффузностью лексем и пути ее преодоления. Здесь же рассматриваются типы семантических переносов, развитие слов-символов, характер лексической системности, принимается во внимание степень развития лексической вариантности и синонимии в разных типах (формах) речи.

Третьим основанием для хронологии могут быть преимущественные направления изменений в сферах употребления разных групп лексики.

Конечно, эти критерии взаимосвязаны, подвижность одного вызывает сдвиги в содержании другого. Какие-то критерии первостепенны лишь для выделения периодов, вся совокупность их требуется при подробной характеристике того или иного периода.

Быстрая изменчивость лексики обуславливает более дробную периодизацию ее истории по сравнению с аналогичными периодизациями для других уровней языка. При создании периодизации ориентируются как на изменение наиболее подвижных лексико-фразеологических разрядов, так и на хронологические границы лексико-семантических процессов.

Периодизация истории русской лексики в общих чертах совпадает с историей развития культуры и общественной мысли России, при этом принят взгляд на русский язык как единство книжно-письменной и народно-разговорной разновидностей, поэтому периодизация в равной мере учитывает и характер литературного словоупотребления, свойственного той или иной эпохе, и состояние словаря живой устной речи.

I. Древнерусский период (вторая половина X–XIII в.):

1. Лексика языка Киевской Руси (вторая половина X–XI вв.);
2. Лексика языка периода русских феодальных княжеств (XII–XIII вв.).

II. Старорусский период (XIV – первая половина XVI в.).

III. Новорусский период (вторая половина XVI в. – первая четверть XIX в.):

1. Лексика начального периода формирования русской нации (вторая половина XVI в. – 60-е годы XVII в.);

2. Лексика языка Петровской эпохи и начала нормализации языка (конец XVII в. – середина XVIII в.);

3. Лексика периода русского просветительства (60-е–90-е гг. XVIII в.);

4. Лексика пушкинской эпохи (первая четверть XIX в.).

IV. Национальный период (30-е гг. XIX в. – начало XX в.):

1. Лексика периода демократизации общественной жизни России (30-е–60-е гг. XIX в.);

2. Лексика периода капитализма и развития пролетарского движения (70-е гг. XIX в. – 1917 г.).

Кратко охарактеризуем выделенные периоды.

I. Праславянское лексическое наследие охарактеризовано в образцовом исследовании О.Н. Трубачева³⁵. Основу словаря древнерусского периода составили исконные элементы и новые греческие заимствования, а содержанием лексических процессов явилось формирование слоя книжно-письменных средств в связи с появлением письменности, взаимодействие церковнославянизмов и народно-разговорных элементов, что вызвало рост синонимии, стилистическую перестройку словаря, появление новых лексико-семантических парадигм. Промежуточной вехой стал XII в., когда развитие феодальной раздробленности, возрастание роли отдельных культурно-письменных центров привело к усилению вариантности и диалектной дробности в лексике, поэтому для второй половины этого периода, кроме проблемы взаимоотношения церковнославянизмов и народно-разговорных элементов, важно и взаимоотношение общерусских и местных средств³⁶.

II. В лексике старорусского периода происходят следующие процессы: реславянизация и нарочитая архаизация, экспансия церковнославянизмов и «приказных» штампов в новые речевые сферы, резкое противопоставление семантико-стилистического и культурного статуса книжных и разговорных средств, размежевание сфер употребления лексических групп по признаку «родовое» – «видовое», развитие интеграции в диалектной лексике. Начинается формирование общерусской литературной лексической нормы в городских койне и лексикографической кодификации литературно-письменного языка. Возникают новые семантические процессы в лексике: расширение многозначности и метафоризации, развитие гипонимо-гиперонимических отношений.

III. 1. Для данного этапа особенно заметна демократизация и укрепление общерусских начал. Активизируется словообразование на русской почве, увеличивается

³⁵ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. 495 с.

³⁶ Ср. также подробный план данного раздела в работе: Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература. Сост. О.А. Черепанова, К.П. Смолина // Русская историческая лексикология и лексикография. СПб.: СПбГУ, 2000. Вып. 5. С. 235–239.

число экспрессивов, развиваются терминосистемы. В связи с началом книгопечатания усиливается внимание к правилам словоупотребления. Усвоение заимствований осуществляется в основном через польское посредство, к концу периода их приток усиливается благодаря влиянию форм западноевропейского быта и цивилизации, появлению театра и новых литературных жанров.

2. Расширяется полифункциональность литературного языка, обогащается тематика письменных текстов, что ведет к количественному пополнению словаря, в литературный язык переходят многие общенародные стилистически нейтральные средства, активизируется отбор жизнеспособных славянизмов. Происходит увеличение иноязычных заимствований и процесс калькирования. Наблюдается множественность тождественных обозначений и широкая синонимия лексических средств, проявляется конкуренция синонимичных или тождественных аффиксов. Расширяется состав отвлеченной лексики.

3. Начинается формирование просторечия как части литературного языка, расширяется сфера употребления народно-разговорной лексики, диалектизмов. Наблюдается усиленное – до избыточности – обогащение словаря с помощью разных способов номинации, развивается перифрастичность. Одновременно усиливается упорядочение лексического состава литературного языка на системной основе, возрастает влияние норм литературного словоупотребления на просторечную и диалектную лексику³⁷.

4. Завершается формирование просторечия. Ликвидируется размежевание лексических пластов по их происхождению в стилистическом плане. Снимается проблема славянизмов как особой категории книжно-литературных средств. Усиливается приток иноязычных слов и интернационализмов.

IV. Это время отличает особая интенсивность изменений словаря: появляется большое число новых лексем, в том числе быстрое усвоение иноязычных заимствований, в общее употребление быстро входят новообразования, многочисленны изменения значений слов. Создается единая и широко разветвленная (с функционально-стилевыми разрядами) лексико-семантическая и фразеологическая система. Активно развивается терминология. Усиливается процесс семантической и стилистической дифференциации слов разного происхождения с первоначально общим значением³⁸.

Замедляется развитие лексических диалектизмов. Наблюдается волнообразное развитие лексической нормы: этапы стабилизации, иногда принудительной («советский новояз»), сменяются этапами усиленного пополнения литературного словаря, решительного обновления форм и средств публичного общения.

В целом периодизация истории лексики, как видим, может и должна быть продвинута ближе к нашему времени, чем периодизация исторической грамматики, поскольку лексика – более динамичный и быстрее обновляющийся ярус языка. Так, лексико-семантические процессы и нормы словоупотребления в советский период заметно отличаются от того, что наблюдалось в русском языке второй половины XIX – начала

³⁷ При характеристике использованы некоторые выводы монографии: История лексики русского литературного языка кон. XVII – нач. XIX века. М.: Наука, 1981. С. 18–21, 31–43, 124–128.

³⁸ См. подробную характеристику периода в книге (особенно «Введение») в книге: *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90 гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 566 с.

XX в.³⁹. В то же время грамматические и особенно фонетические (без учета динамики литературного произношения) нормы с середины XIX века и до наших дней не претерпели существенных изменений.

Чем объясняется похожесть всех предлагаемых периодизаций на существующие периодизации истории литературного языка? Существующие периодизации истории литературного языка строятся на этнокультурных основаниях, конкретное же различие между периодами определяется в основном сдвигами в лексико-фразеологическом наполнении всех разновидностей литературно-письменного, а позднее – и устно-разговорного языка, поэтому периодизация истории литературного языка и хронологическая схема развития словарного состава в основных чертах будут совпадать.

Внутри «хронологических» разделов обычно излагается история избранных, наиболее важных тематических групп, которые, в свою очередь, объединяются вокруг ключевых слов – хроногloss, причем изложение истории ключевых слов носит сквозной характер. При описании лексики уделяют внимание закономерностям изменения, тенденциям, особенностям функционирования лексики, используя для иллюстраций историю отдельных групп.

1.3. Языковая ситуация и история лексического состава.

Языковая ситуация в Московской Руси

Изменения в лексическом составе языка происходят на фоне определенной языковой ситуации и определяются особенностями этой ситуации.

Оценим языковую ситуацию периода Московской Руси, когда на развитие словаря решающим образом влиял целый ряд факторов административного, социально-экономического и историко-культурного характера. Во-первых, увеличивается территория Российского государства за счет окраинных земель: на западе – за счет Пскова и Смоленска, на юге появляются Воронеж, Оскол, Белгород и другие города. Во-вторых, эффективно функционирует государственный аппарат, а его делопроизводство, где тон задают московские приказы, влияет на письменную практику местных канцелярий. В-третьих, возрастает роль городов как центров экономики и культуры: умножаются их торговые связи, увеличивается число грамотных. В-четвертых, совершенствуются орудия и организация труда, примитивные ремесла преобразуются в более совершенные производства, интенсифицируется обмен технической и экономической информацией. В-пятых, начинают развиваться наука и просвещение, складываются крупные монастырские библиотеки, появляются словари («азбуковники») и разнообразные учебные руководства («азбуки»).

Обычно под языковой ситуацией понимают состояние только литературного языка в ту или иную эпоху, состав его разновидностей, взаимоотношение между литературным языком и общенародной речью. Подобное толкование языковой ситуации упрощает суть дела, полная картина состояния и развития языка народа в определенную эпоху складывается как минимум из оценки трех типов ситуаций:

1) литературно-языковая ситуация: состав литературного языка, его разновидности, лексико-фразеологические и грамматические средства отдельных типов языка,

³⁹ Ср.: Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 187 с.

состояние литературной нормы, отношение литературного языка к средствам «нелитературного» характера и т. д. (см. работы С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, Н.А. Мещерского, А.И. Горшкова, Б.А. Успенского и др.);

2) социально-языковая ситуация (социолингвистическая): речь различных социальных групп, соотношение в разных социально-речевых разновидностях литературных, просторечных и диалектных средств, степень владения литературным языком в разных социальных средах (см. работы В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, посвященные теории вопроса; конкретных разработок этой проблематики на историческом материале пока мало);

3) лингвогеографическая ситуация: диалектное состояние языка данной эпохи, отношение общерусского и местного на разных языковых уровнях, соотношение диалектных средств и литературных элементов в языке столицы и местных культурно-письменных центров (см. работы А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Р.И. Аванесова, С.И. Коткова, Ф.П. Филина и др.).

Литературно-языковая ситуация в Московской Руси в разное время разными (а иногда одними и теми же) авторами оценивалась неодинаково. Широко известно, например, такое мнение: «...Русским литературным языком Средневековья был язык церковнославянский... стили русского делового, публицистического и повествовательного языка, несколько приспособляясь к церковнославянской системе, размещаются по периферии “книжности”»⁴⁰. Позднее сам автор – академик В.В. Виноградов – отступил от этой точки зрения, но сторонники ее находились и позже, ср.: «...престижное положение церковнославянского языка в качестве литературного языка продолжалось до второй половины XVII в.»⁴¹.

Обратим внимание на объем литературного языка в интерпретации сторонников изложенной выше идеи и соответственно – на ее фактическую базу. У В.В. Виноградова на первое место по значимости в литературно-языковом процессе поставлены неславянские тексты и произведения «еллино-славянского» стиля с чертами юго-западного происхождения⁴². Однако уже в первой редакции своей концепции литературного языка ученый смог оценить, насколько позволяли известные в ту пору источники, демократические тенденции в литературном языке. Тем не менее, современные авторы, придерживающиеся мысли о церковнославянской природе литературного языка Московской Руси, сужают жанровый диапазон литературы, ограничивая его только профессиональной книжностью, полагая, что до второй половины XVII в. «история русского литературного языка – это история церковнославянского языка русской редакции. Тексты на русском (древнерусском) языке – в частности, памятники юридической, деловой, бытовой письменности находятся вне сферы литературного языка и вне литературы»⁴³. Б.А. Успенский повторяет и старый вывод В.В. Виноградова о ведущей роли книжной традиции юго-западной Руси в литературно-языковых процессах в Рос-

⁴⁰ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Учпедгиз, 1938. С. 5.

⁴¹ Хютль-Фольтер Г. Диглоссия в Древней Руси // Wiener slavistisches Jahrbuch. 243. 1978. С. 111.

⁴² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.... С. 22.

⁴³ Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М.: МГУ, 1983. С. 85.

сии XVII в.⁴⁴ Представляется более справедливой характеристика указанного процесса как самостоятельная без внешних воздействий консервация торжественно-риторического стиля лишь в одной разновидности русской литературы XVII в. – литературе русского барокко⁴⁵. Известно, что позднее академик В.В. Виноградов пересмотрел свое мнение об объеме литературного языка: «...с XV в., а особенно в XVI и XVII вв. все усиливаются процессы литературно-языковой обработки разных форм приказно-деловой речи, и деловая речь, по крайней мере, в известной части своих жанров, уже выступает как один из важных и активных стилей литературного языка»⁴⁶. Хотелось бы привести очень уместное в данном случае мнение Ф.И. Буслаева: «Не только в образованном обществе и в современной легкой журнальной литературе, но даже и между учеными людьми господствует застарелый предрассудок о том, будто бы наша древняя литература имеет характер по преимуществу церковный. При том, это мнение доводят до того заключения, что даже и литературы, в собственном смысле этого слова, у нас не было, а были только книги богослужебного и церковного содержания с присокуплением немногих произведений, хотя и имеющих предметом интересы не исключительно церковные, но составленных в однообразном тоне монашеских воззрений и убеждений»⁴⁷.

Сторонники другой точки зрения тоже признают единый литературный язык, но с двумя разновидностями: «В XVI в. мы имеем дело с двумя разошедшимися стилистическими разновидностями одного и того же литературного языка, а не с двумя различными языками»⁴⁸. По мнению Ф.П. Филина, «единого письменного литературного языка с упорядоченной системой норм, обслуживающего все нужды общества, в XVII и первой половине XVIII века не существовало», «от наличия в Древней и Московской Руси двух близкородственных, но разных письменных языков отказаться невозможно»⁴⁹.

И снова напомним еще об одной давней, но, на наш взгляд, наиболее совершенной попытке описания разновидностей или «родов глаголения» в русской (подчеркнем: только русской) устной и письменной речи XVI–XVII вв., представленной в «Риторике» архиепископа Макария 1618 г.: русский язык XVI–XVII вв. – единство из трех разновидностей в соответствии с основными функциями языка: устная речь, художественная речь, деловая речь. Выделены «род смиренный, который не восстает над обычаем повседневного глаголения» (устная речь), «род высокий», основу которого составляют общеупотребительные средства, но есть также метафоры и архаично-книжные элементы (художественная речь), «род мерный», представленный в грамотах, посланиях (деловая речь)⁵⁰. Наличие этих сфер применения языка (добавим к ним еще культовую) реально осознавалось образованными людьми той поры, см. следующее обращение протопопа Аввакума к царю Алексею Михайловичу: «А ты ведь,

⁴⁴ Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси ... С. 85

⁴⁵ Горшков А.И. Теоретические основы русского литературного языка. М., 1983. С. 135.

⁴⁶ Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 25.

⁴⁷ Буслаев Ф.И. История русской литературы. Вып. 1. М., 1904. С. 251.

⁴⁸ Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981. С. 113.

⁴⁹ Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 108, 111.

⁵⁰ Бабкин Д.С. Русская риторика XVII в. // ТОДРЛ. Вып. VIII. М.; Л., 1951. С. 320 – 354.

Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах»⁵¹ [выделено нами. – Г. С.]; ср. ещё оценку⁵². Таким образом, в России XVII в. «разговаривали, естественно, по-русски, но и писали главным образом по-русски, не по-славянски»⁵³.

Задача состоит в том, чтобы определить состав имевшихся в то время средств общения – языков или их разновидностей, выявить выполняемые ими функции, установить уровень их нормированности и отношение к устной разговорной речи. По мнению Ф.П. Филина, на всем протяжении исторического периода до XVIII в. сохранял свой престиж, постепенно сужая сферу действия, церковнославянский язык русской редакции, принятый главным образом в конфессиональной (литургической, канонической, гомилитической, дидактической) и конфессионально-светской (церковно-ораторской, полемической и агиографической) литературе. В одних сочинениях этот язык представлен в более «чистом» виде, в других, например, в житиях местных святых, содержал некоторое число исконно русских речевых средств.

Кроме церковнославянского языка русской редакции употреблялся русский литературный письменный язык, в котором выделялись две разновидности: а) книжно-традиционная и б) демократическая. Здесь идет активное наступление живого разговорного языка. Расширяется круг идей, представлений и понятий, обсуждаемых в письменности, но отсутствовал литературно-языковой этикет их описания, что приводило к усилению народно-разговорного элемента в целом ряде сочинений. Начиная с середины XVI в. и постепенно нарастая, осуществляется демократизация письменного языка, узальная выработка фонетико-грамматических норм и увеличение общерусского лексического фонда. Нормализация в этот период реализуется путем подражания «образцовым» произведениям.

Письменная и устная разновидности русского языка существуют как обособленные системы, вступающие в контаминацию в новых повествовательных жанрах, их былое противопоставление сменяется органическим, проникающим сближением, при этом разговорная речь выступает как определяющая и более существенная основа национального языка, чем традиции книжнославянские⁵⁴. Основное различие в области лексики между книжной и разговорной речью касалось разной употребительности и неодинаковых семантико-стилистических свойств как отвлеченной, так и конкретной лексики в этих двух типах речи⁵⁵.

Многие авторы, вслед за И.И. Срезневским, оценивают XVII в. как поворотный в истории языка: «Поворот и действительно начался в XVII веке. Еще не кончилось стремление языка книжного отдаляться все более от народного, когда уже явились попытки действовать наоборот, сблизить книжный язык с народным»⁵⁶; «Резкое изменение общезыковой ситуации с XVII в. заключается в том, что разговорный язык полу-

⁵¹ Сочинения протопопа Аввакума. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927. С. 475.

⁵² Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Флинта, 2008. С. 207–218.

⁵³ Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. С. 47.

⁵⁴ Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 167.

⁵⁵ Судаков Г.В. Синонимы в литературно-художественных текстах XVII в. // Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. Вологда: ВГПИ, 1983. С. 128–136.

⁵⁶ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. С. 37.

часть доступ в письменность. Возникает целый ряд новых литературных жанров, очень мало связанных со старым церковнокнижным языком и в основном отражающих язык разговорный»⁵⁷. Расширяется социальный состав пишущих за счет мирян, увеличивается объем литературной продукции («эпоха молчания сменилась эпохой русского многоглаголания»), появляются новые роды литературы: поэзия и драматургия. Складываются целые литературные школы, творческие направления и даже новые литературные жанры: лирическая поэзия, основанная на фольклоре, демократическая сатира, агитационная публицистика. Если в XVI в. проводятся мероприятия канонизирующего, обобщающего характера, как создание Никоновской летописи (20–30-е гг. XVI в.), собрание Великих Миней Четых, то XVII век не объединял старое, он творил свое.

Меняются отношения между литературой и деловой письменностью. Отдельные типы деловой речи в некоторые моменты приближались к книжно-литературному языку, а другие типы всегда ему противостояли. Правовые документы одной и той же местности в языковом отношении не были одинаковы: так, язык московского Уложения 1649 г. более архаичен, чем язык царских указов, наказов воеводам, таможенных грамот и т. п., в деловой письменности действовали свои, узуальные нормы. Несомненна зависимость между расширением функций деловой речи и усилением роли русской разговорной лексики в литературном языке. Однако отодвигать начало этих процессов до второй половины XVII в., как это предлагалось⁵⁸, было бы неправильным. Уже в XVI в. наблюдается эпизодическое использование элементов делового письма в литературе и публицистике (Стоглав, Домострой, хозяйственные и технические руководства). С двадцатых годов XVII в. процесс приобретает широкий размах (агитационная письменность Смуты, сатирические произведения и т. п.), с этого времени, а не со второй половины XVII в., как считал С.С. Волков⁵⁹, деловой язык представлял развитую полифункциональную систему.

Просторечия, понимаемого сейчас как эмоционально-сниженный пласт литературного языка и наддиалектные, не имеющие изоглоссы явления, стоящие вне литературного языка, в XVI–XVII вв. не было. Для периода Московской Руси речь горожан не была отделена от диалектной речи сельского населения. Мнение об относительном единстве уже в XVII в. общерусского городского просторечия⁶⁰ не может быть принято из-за отсутствия фактических данных. Формирование просторечия началось во второй половине XVIII в., не раньше. Как показывает анализ памятников письменности, средством повседневного общения русских в XVI–XVII вв. был русский разговорно-бытовой язык диалектного характера, в котором имелось значительное число общерусских средств (ср. мнение Б.А. Ларина: «...Исследования актов и других памятников письменности... опровергают предположение о едином и общенародном разговорном языке Московской Руси»⁶¹). Вся территория России была в равной мере диалектной; в меньшей степени это относилось к Москве и нескольким крупным ремесленным цент-

⁵⁷ История русской литературы. В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1. С. 258; *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Учпедгиз. С. 47.

⁵⁸ История лексики русского литературного языка кон. XVII – нач. XIX века. М.: Наука, 1981. С. 7.

⁵⁹ *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Наука, 1974. 322 с.

⁶⁰ Там же. С. 181.

⁶¹ *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 173.

рам, как Великий Новгород, Псков, Вологда, Астрахань и др., в койне которых заметнее проступали общерусские черты, не подавляя, впрочем, местного начала. Сравнительно-сопоставительные исследования койне русского средневекового города на фоне крестьянской речи окружающего региона пока еще не выполнены. В XVI–XVII вв. отчетливо проступает противопоставление «народно-разговорное – книжное». В понятие «народно-разговорное» исследователи включают элементы общерусского употребления из речи городского и сельского населения и диалектные средства. Все эти явления как факты устной бытовой речи отражаются в частной переписке, в разговорниках и азбуковниках, где в целях ознакомления иностранных купцов с русской речью воспроизводились реальные ситуации бытового и делового общения.

К концу XVII в. общность русской народности приобретает относительную устойчивость, начинается переход ее в нацию. Процессы интеграционного характера усиливаются в диалектной среде. Обществу требуется общерусская норма в письменной речи, а также единый лексико-фразеологический фонд для обиходного и публичного общения.

1.4. О языковом сознании древнего русича

Мнение о том, что в начале национального периода в обществе формируется осознанное отношение к проблемам развития и функционирования языка, вполне справедливо. Любопытны и более ранние (до XVIII в.) примеры внимания к речевым фактам, особенно процессам номинации, у древнерусских книжников, т.е. свидетельства вполне определенной рефлексии⁶².

В период Московской Руси кодифицирующая роль московского приказного делопроизводства проявлялась в том, что, используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь. Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова, например: «анбар рыбной с мостомъ, где рыбу солят, да анбарец неводной, где сети держат» (1618 г., Соловецкий мон.; АХУ-П, с. 276); «скотной двор, а на нем строенья: ... омшеник да овцам рубленой анбар да 2 повети коровам» (XVII в., опись; ДТП-I, с. 266); «д. Горка, а в ней дворец коровей, живут коровники» (1543–44 гг., Вологодский у., Шумаков, с. 64); «двор воловей... а на том дворе животные 35 коров» (1672 г., Опис. аптек., с. 101). Дополним этот ряд примерами из государственного делопроизводства, географической литературы: «поставил *театрум*, то есть каменное зело высокое здание со многими теремы для всяких комедий, то есть действенных потех» (1670 г.; Космография: 384); «указал учинити

⁶² См. также работы, посвященные языковой личности древнего русича: *Иванова Е.Н.* Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка (первая половина XVIII века). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 18 с.; *Попова О.В.* Языковая личность Ивана Грозного: на материале деловых посланий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 24 с.; *Ясинская М.Б.* Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность: на материале историко-биографической прозы князя Б. Куракина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.

комедию... и для того действия устроить хоромину вновь... И по тому великаго государя указу *камидейная хоромина* построена» (1672, Дворцовые разряды; Лет. рус. лит-ры: 28). Именно функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд, поэтому старорусские лексикографы, раскрывая значение слова, тоже иногда указывали на назначение предмета: журавель: 'очепь чем воду черпають' (1700 г.; Номенклятор немецк.: 20).

Заметим, что указание на род занятий, на выполняемую работу часто выступало мотивирующим признаком для номинации лица по профессии: «Жил в дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; розгребалщикомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз, наймовали вожелников возити навоз в поле» (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх.; ГАВО, ф. 512, оп. 1, д. 6, л. 49, 142 об.); «дано рукавишнику слобожанину Федру от исподок от вязаня пят алтнь» (1622 г., кн. пр.-расх. арх.; ГАВО, ф. 883, д. 12, л. 170 об.); «наймовал бороноволокоть паренину боронити и навоз вываживат осмерым вываживалником дал 6 ал 4 де» (1663 г., пр.-расх. кн., Вологод. у.; ВОКМ, д. 2284/4131, л. 9 об.).

В других случаях, стремясь точно и ярко описать предмет, древнерусский книжник использовал тождесловы – слова той же лексико-семантической или тематической группы: родовые наименования или названия, представляющие разные стороны и качества описываемой вещи. При этом писец использовал синонимические наименования (однословные и составные) в одном и том же тексте, в том же или следующем предложении: «в Гостиной улице *изба богаделенная*, а в ней десять человек богадельных старцов... да к той же *богадельне* дано всем богадельным старцам на огород пусто-во порожжево места» (1696–98 гг.; А. можайск.: 67); «на горе же *харчевенные избы*, которые написаны в оклад... с ызбы, что возле Родкины *харчевни*, оброку рубль» (1665–67 гг.; пр.-расх. кн. Синбирск. приказной избы: 30); «лежал в *сторожке* без памяти..., Фаддеико к нему монаху для посещения в *сторожню* приходил... Иеромонах Герман постригал ево Макария в городе Каргополе в тюремной *сторожевой избе*» (1690 г., Каргополь, допрос; Олонецк. сб.: 120).

Третья особенность характеристики предмета древнерусским писцом – подчеркивание его особого признака. Писец выбирал такие номинативные единицы, в которых легко вычленился мотивировочный признак или достаточно точно назывался характерный признак предмета: *дровяник, книгохранильница, портомоиня, столовая – горница столовая, изба кожевная, сарай киртичной, камидейная полатя*.

Ещё один вариант речевой рефлексии – это оценка закреплённости слова за тем или иным типом речи: «друшка и сваха едутъ с постелею, велите оуказати *сенникъ*, ... а по обычному *потклетъ*; и как приедут на дворъ и идут в *сенникъ* а по простому в *потклет*» (XVII в.; Дом. Свод.: 172, 183). Здесь *сенник* оценивается как слово высокое, соответствующее значимости свадебного обряда, а *потклет* – простое, разговорное.

Необходимость характеризовать предмет побуждала писца к поиску адекватных средств для описания предмета, заставляла задумываться над смыслом слов и выражений. Практика составления разного рода описей (рописей, списков) в средневековой России была повседневной: этого требовали торговля, таможенное дело и судопроизводство, родственные и коммерческие отношения и т. п. Писец должен был и этногра-

фически точно описать предмет, и по возможности точно назвать его или привести ряд тождесловов, связанных с понятием о данном предмете.

1.5. Актуальные проблемы исторической лексикологии русского языка

Историческая лексикология русского языка как обобщение истории русского слова состоит из следующих трех компонентов:

- 1) описание истории отдельных слов с их семантическими и словообразовательными связями;
- 2) изучение формирования и функционирования основных лексических групп;
- 3) исследование важнейших процессов в лексической системе языка.

Эти вопросы в общем виде были рассмотрены коллективом исследователей уже в 1988 г., позже их регулярно затрагивали в своих публикациях Л.Ю. Астахина, А.Д. Васильев, В.Г. Демьянов, В.В. Колесов, К.П. Смолина и О.А. Черепанова⁶³ и др.

Проблемы изучения общей истории русского лексикона

1. *Нечеткость периодизации истории русского слова.* С начальной границей периодизации более или менее ясно: это первые памятники письменности. С конечной вопрос ещё не решен: язык «от Пушкина до Горького» отошел в историческое прошлое, и словарь современного русского литературного языка при всем уважении к традициям начинается с 20-х гг. XX в. Важным является также определение границ между древнерусским и старорусским периодами или между старорусским (донациональным) и новорусским (национальным) периодами границ⁶⁴.

2. *Время и интенсивность процесса «славянизации» в русской лексике.* Здесь важно преобладание или уменьшение числа славянизмов, их влияние на словообразовательные процессы, на общую стилистическую тональность контекстов и отсюда – на «заражаемость» разговорной и просторечной лексики книжно-славянскими интонациями. По мере расширения круга источников открываются новые явления. Так, некоторые из типично церковнославянских, по мнению А.А. Шахматова, элементов (см. их критическое рассмотрение в книге Ф.П. Филина⁶⁵) оказались широко представленными в деловой письменности Москвы и провинциальных культурно-письменных центров XV–XVIII вв.: слова с неполногласием; отвлеченные имена на *-ость*, *-ство*, *-ение* и т. д.

3. *Интенсивность процесса освоения просторечно-разговорной лексики литературным языком.* Если принять во внимание разговорный элемент в агиографических

⁶³ Историческая лексикология и лексикография русского языка. Вологда: ВГПИ, 1988. 96 с.; Астахина Л.Ю. Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М., 2006. 368 с.; Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск: КГПУ, 1997. 104 с.; Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001. 409 с.; Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове: в 5 кн. СПб.: СПбГУ 2000–2004; Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература. Сост. О.А. Черепанова, К.П. Смолина // Русская историческая лексикология и лексикография. СПб.: СПбГУ, 2000. Вып. 5. С. 235–239.

⁶⁴ См. наш вариант периодизации: Судаков Г.В. Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сборник науч. трудов памяти З. М. Петровой. СПб., 2007. С. 331–341.

⁶⁵ Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка (особенно гл. 1 «Современный русский литературный язык, его происхождение», с. 7–86).

текстах XV–XVIII вв., обилие диалектных и просторечных лексем в деловой письменности, начиная со времени первых берестяных грамот, влияние либеральных московских канонов приказного письма, то, вероятно, следует признать старорусский литературный язык гораздо более демократичным, чем это пока декларируется сложившейся научной традицией.

4. *Временные границы и интенсивность влияния иноземных элементов на развитие русского слова по периодам:* греко-византийское воздействие, тюркоязычное влияние, финно-угорское взаимодействие, украинско-польское посредничество, западно-европейское (немецкое, французское, английское) влияние и т. д.

5. *Факторы, определяющие развитие словарного состава* в каждый конкретный исторический период, и те языковые страты, в которых в этот период происходят решающие для всего лексикона динамические или функционально-стилистические изменения. Для выявления этих факторов исследуют источники омонимии, оценивают энантиосемию, деэтимологизацию, лексикализацию как средства развития словаря. Лексикологи стремятся оценить универсальное и национальное, типичное и специфическое в путях развития полисемии и принципов номинации, внутригрупповых связей слов, в темпах динамичности словаря, в отношениях узуального и окказионального в различных лексико-семантических и предметно-тематических группах в разные периоды развития конкретного языка. В разработке этой проблематики и открывается возможность перехода от «атомарности», от истории отдельных слов к истории всего лексикона, возможность перехода от анализа к синтезу.

6. *Типология лексических групп*, динамично меняющаяся с изменением факторов развития лексико-семантической системы. По справедливому замечанию А. Мейе, «история языков создается лишь путем сравнения состояния языка в различные периоды... Изолированный язык лишен истории»⁶⁶. Имеем в виду развитие исследований по внутриязыковой типологии в интересах исторической лексикологии, т. е. описание типов лексико-семантических систем, последовательно сменяющих друг друга, анализ того, как накапливаются определенные различия, приводящие к появлению нового в способах и содержании номинации, в путях развития переносов и т. п. Минимальный объект исследования в этом случае – лексико-семантическая группа, структура и признаки которой последовательно сопоставляются по нескольким синхронным срезам, выбор которых должен быть оправдан глубиной и содержательностью исторических изменений словаря. В качестве сравниваемых признаков избираются следующие: соотношение родовых и видовых слов внутри группы, количественные соотношения мотивирующих признаков, лежащих в основе наименований, соотношение мотивированных и немотивированных лексем, уровень синонимичности, способность к номенклатурному дроблению, контекстуальная закреплённость значений, модели семантической деривации или типы полисемии, уровень диффузности семантики слов и т. п. Подобным образом далее сравниваются между собою и разные группы, сосуществующие в языке в один и тот же исторический период⁶⁷.

⁶⁶ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954. С. 8.

⁶⁷ См. наш опыт подобного типологического исследования лексических групп древнерусского языка: Судаков Г.В. Предметно-бытовая лексика в ономазиологическом аспекте // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 105–112.

Важно выявить не только специфические для каждого временного периода особенности словаря, модели переноса, процессы онимизации, но и постоянные, устойчивые элементы, составляющие ядро, характерную сущность русского языка. Сравнение состояний словаря в наиболее важные для данного языка периоды его функционирования позволило бы ответить и на такие вопросы, как этапы стилистического расслоения словаря, время появления просторечия, типичные и специфические семантико-стили-стические процессы для разных эпох. Методика сравнительно-сопоставительного исследования и типологического анализа последовательно меняющихся состояний лексико-семантической системы одного исторически развивающегося языка только еще создается⁶⁸. Нужно определить перечень действительно значимых признаков, от изменения которых зависит изменение характера лексико-семантической системы.

Так, способность группы к номенклатурному дроблению, с одной стороны, стимулируется социально-культурными и иными потребностями социума в наличии разнородных и разнохарактерных реалий предметного мира или духовных явлений, а с другой стороны, ограничивается множеством ситуаций, когда точное название предмета не обязательно. Причем это в равной мере касается как наименований предметов (слов с конкретным значением), так и названий духовных процессов и действий. Обычно это называют диффузностью или синкретизмом значений⁶⁹. Но, во-первых, размытость границ денотата – нормальное явление в номинации и в повседневной речевой практике (кто из нас, кроме профессионалов, разбирается хотя бы в разновидностях сосудов для питья, столовых тарелок, ножей и пр.?!). Размытость границ денотатов обуславливает нечеткость смысловых границ многих слов. О размытости как общем свойстве денотативных границ писал У. Лабов⁷⁰. Во-вторых, следствием вышесказанного является отсутствие жесткой закреплённости слова за реалией определенного вида. Можно говорить о существовании взаимозависимости между объединением функционально близких реалий и группой соответствующих им слов: близкие по внешним признакам реалии могут быть названы почти всеми словами соответствующей лексической группы, т.е. чуть ли не каждая отдельная реальность сообщества может быть названа почти любым или во всяком случае несколькими словами из соответствующей лексической группы: *блюдо – тарелка – ставец, ларец – скриня – коробка – шкатулка*⁷¹. Ср. характерные признания старорусских писцов: «В прежних переписных книгах *тот сундук* написан *скриня* с черпаками шитими. В прежних переписных книгах *написана та шкатулка* *скринка* подорожная небольшая с посудою оловяною столовою» ((1690; РИБ-8: 965, 1039). Если это называть проявлением синонимичности лексем, то, вероятно, это и синонимичность особого рода.

⁶⁸ Опыты сопоставительной типологии современных славянских языков предпринимались Н.И. Толстым, А.К. Супруном (*Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянских языков. // Вопросы языкознания. 1963. № 1; 1966. № 5; Супрун А.К. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983. 48 с.*), а в последние годы коллективами под руководством Е.В. Рахилиной и А.А. Кротовым.

⁶⁹ *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. С. 95; *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 168; *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. С. 19.

⁷⁰ *Лабов У.* Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 133–176.

⁷¹ См. подробнее: *Судаков Г.В.* Предметно-бытовая лексика... С. 105–112.

7. *Неодинаковая значимость лексем и целых лексико-семантических и тематических групп для речевой практики социума и главное – неодинаковая роль их в развитии лексико-семантической системы языка.* Составление реестра актуальных в этом отношении лексем и лексических групп – важная задача исторической лексикологии русского языка.

Проблемы, касающиеся истории отдельного слова

1. Один из наибольших грехов в работе над историей отдельного слова – это *некорректный выбор источников*. Прежде всего, мы имеем в виду случаи, когда источником (одним из источников) избираются словари. Некоторые коллеги, особенно юные, относятся к словарю, как к Библии, и без раздумий переносят в свои работы все данные словарей, включая их ошибки, огрехи и прямые недостатки. Очень плохо соотносятся совершенно темные, семантически невнятные цитаты и содержащиеся в некоторых новейших лексикографических трудах толкования значений слов, когда исследователи, не имея семантически прозрачных и ясных иллюстраций, приписывают «историческим» словам значения из словаря Даля или современных диалектных словарей⁷². По справедливому мнению Н.Ю. Шведовой, все групповые отношения, в которые вступает слово (частеречные, лексико-семантические, собственно грамматические, словообразовательные – для производных слов, деривационные, синтаксические связи, семантические связи, стилистические, функциональные – сфера употребления, хронологические и локальные, квалификационные и оценочные, орфоэпические, акцентологические, орфографические), должны быть в той или иной мере подтверждены иллюстрацией – оправдательной цитатой⁷³. Ср. по этому же поводу замечание Л.В. Щербы: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров»⁷⁴. Застенчивое отношение исследователя к памятникам письменности – верный признак поверхностного труда. Иерархия исторических источников (по степени их значимости для исследований по истории русского слова) обычно выстраивается следующим образом: а) исторический текст (оригинал или добросовестная публикация), б) словарь языка соответствующей эпохи, в) научные источники по истории материальной или духовной культуры соответствующей эпохи (по истории той сферы жизнедеятельности общества, к которой имеет отношение фрагмент изучаемого лексикона), г) словари языка более ранних или более поздних периодов.

В свое время профессор С.И. Котков сформулировал основные требования к лингвистическому источнику и тем самым заложил начала лингвистического источниковедения⁷⁵, проблемы источниковедения русской исторической лексикологии рассмотрела Л.Ю. Астахина⁷⁶. Разные источники неодинаково отражают историю слов и динамику лексико-семантических процессов в языке: одни фиксируют смещение родовидовых соответствий в тематической группе, другие запечатлели процесс движения

⁷² *Судаков Г.В.* Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005. С. 129–137.

⁷³ *Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 7–8.

⁷⁴ *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 285.

⁷⁵ *Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 294 с.

⁷⁶ *Астахина Л. Ю.* Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М., 2006. 368 с.

«от конкретного к абстрактному» в пределах одного текста. Укажем еще на гапаксы и созданные воображением публикаторов и исследователей псевдогапаксы и вспомним отношение И.И. Срезневского к подобным словам-недоразумениям: когда он сомневался в подлинности существования слова, то вносил его в словарь со знаком вопроса, намечая перспективу в разрешении вопроса для будущих исследователей.

Необходимо учесть, что история русского слова XVIII–XIX вв. изучалась некоторое время главным образом на основе печатных источников (см. работы Ю.С. Сорокина, В.В. Веселитского), что, естественно, не обеспечивало всей полноты картины, особенно для XVIII в., когда преобладали столичные издания, а провинциальная печать и книгоиздания фактически отсутствовали. Между тем обращение к местной письменности существенно расширяет представления о картине происходящего в языке⁷⁷. Применительно к XIX в., когда заметно возрастает местная пресса (губернские и епархиальные ведомости, записки архивных комиссий, адреса-календари и т. д.), появляются краеведческие издания, можно сосредоточиться на этом массиве источников.

2. Второе обстоятельство, снижающее качество исследований, – это *невнимание к сочетаемости слова*, нежелание учесть разнообразные контексты употребления слова (атрибутивные, объектные и т. п.), хотя для исторического слова, когда исследователь не может опереться на собственный опыт носителя языка, эти вещи очень важны, с этим связано и выявление многообразных вариантов и модификаций изучаемого слова: фонетико-графических, словообразовательных, морфологических и пр. Абсолютной закреплённости слова за определенными типами контекстов, кажется, никогда не существовало, и это требует внимательного прочтения и тщательного расписывания многих текстов. Особый случай – произведения, являющиеся переложением Библии или созданные на основе Библии. Первооснова употребления в них многих лексем спрятана в глубине веков и в многообразии языков-посредников, и потому функционирование лексемы в таких текстах слабо объясняется особенностями русского языка. Тем более важно разобраться с генезисом таких лексем или оборотов.

3. Важный момент – *частота употребления*, о которой, например, стали сообщать читателю составители «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Представляется, что все случаи немногочисленного, особенно единичного употребления слова должны обязательно указываться. Индивидуально-авторские слова и окказионализмы в пору абсолютной диалектной свободы, диктата узуса над нормой были тогда более частыми, чем сейчас.

4. Остается актуальной *проблема сохранения единства и тождества слова* в последовательно сменяющиеся эпохи развития языка⁷⁸.

⁷⁷ См. работы: Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 484 с.; *Выхрыстюк М.С.* Тобольская деловая письменность второй половины XVIII века в аспекте современного лингвистического источниковедения. Тобольск, 2006–2007. Ч. 1–2; 211 с., 215 с.; *Малышева И.А.* Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII в. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 24–36; *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). М.: МОПИ, 2004. 740 с.; *Полякова Е.Н.* Региональная лексикология и ономастика Пермь: ПГУ, 2006. 256 с.; *Трофимова О.В.* Жанровообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности). Тюмень: ТГПУ, 2002. 519 с.

⁷⁸ См. посвященную этой проблеме статью В.В. Виноградова и более позднюю статью его ученика: В.Я. Дерягина: *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // В.В. Виноградов. История слов. М., 1999. С. 5–38; *Дерягин В.Я.* Проблема семантического тождества

Слово не может быть одним и тем же в разные исторические эпохи. Но какова степень его изменчивости – вот постоянный вопрос для историка языка. Приведу простой пример: ведро в древнерусский и старорусский период было предметом бондарного производства, то есть – деревянным, реже – плетеным из бересты, лыка (это был двойной цилиндр). Металлические и пластмассовые ведра – продукт нового времени. Старинные ведра входили в иной, нежели современный, ряд предметов (реалий), соответственно иным было и понятие о ведре, поскольку вслед за материалом менялась форма и функции предмета. Бритвы в допетровскую эпоху были только ручными и напоминали складной нож⁷⁹. Столовая посуда была чаще деревянной или глиняной, металлические блюда на столах простолюдинов были в редкость. Меняющийся материальный мир существенно влиял на семантическую структуру и стилистический статус слова, обозначающего изменившийся предмет. Конкретный референт и (или) его зрительный образ – основа семантики предметно-бытового слова. Особенно важно это учитывать при анализе казалось бы хорошо знакомых слов древнерусского или старорусского языка: реалья, ими обозначаемая, могла в старину иметь внешний облик, не совпадающий с современным представлением о предмете, и исследователя подстергает опасность «осовременивания» значения слова, например.

5. *Учет специфики древнерусского литературного текста с позиции древнего русича.* Ведь идеальным в ту далекую пору считался текст, максимально повторяющий все достоинства образца, избранного для подражания. Поэтому в текстах, которые в общественном мнении Древней Руси были особо значимы, полагалось в максимальной степени воспроизводить фразеологию и стилистику выбранного образца. Любое отступление было не только литературным грехом, но и религиозной ересью. Возможно, мы, привыкшие к индивидуально-авторской манере изложения, объявляем шедевром древнерусской литературы то, что древнему русичу казалось отступлением от литературного этикета и книжного канона, было дурным с его точки зрения.

Заметим, что по-другому ситуация складывается в XIX в. События Отечественной войны 1812 г. способствовали формированию нового для России явления – свободного публичного общения и формирования новых форм и средств публичной речи. Эти первые ростки – ростопчинские листки-афиши, прокламации Генерального штаба, устные речи Кутузова, Денисова и др., вошедшие в фонд солдатской мифологии. Церковно-проповеднический стиль, судьба которого еще мало изучена⁸⁰, продолжал жить в то время своей жизнью, отчасти оказывая воздействие на некоторые формы литературного выражения. Земская и городская реформы, введение суда присяжных, оформление торгово-коммерческой и кредитно-финансовой сфер, развитие машинного производства и кооперативного движения существенно повлияли на обогащение лексики, на стилистическую перестройку лексической системы.

слова в исторической лексикологии // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М.: Наука, 1988. С. 47–61.

⁷⁹ См. археологические показания на этот счет (*Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: АН СССР, 1968 (Свод археологических источников СССР. Е–155). 183 с.) и рисунки упомянутых реалий в «Букваре» К. Истомина 1694 г.

⁸⁰ См. одну из первых работ по этой проблеме: *Ипатов С.Н.* Святитель Игнатий как проповедник. Лингвистическое исследование. Вологда: ВИРО, 2007. 182 с.

6. *Проблема типов текста и обусловленность этим лексико-фразеологического наполнения текста.* Пока типология древнерусских текстов основывается преимущественно на тематическом содержании текста, что явно недостаточно даже для того, чтобы предсказать лексическое наполнение текста.

Перечисленные вопросы не исчерпывают всего списка актуальных проблем исторической лексикологии. Ориентируясь на современные труды, мы обратили внимание на наиболее злободневные, от которых зависит объективность результатов исторической лексикологии и исторической лексикографии русского языка.

2. Аспекты изучения древнерусского слова

2.1. Лексика в семасиологическом аспекте

Основные лексико-семантические процессы древнерусского языка иллюстрируются преимущественно данными предметно-бытовой лексики. Термин «предметно-бытовая лексика» определяет соответствующий слой словаря с двух точек зрения: 1) по отношению к другим группам лексики материальной культуры и быта, обозначающим не предметы, а действия, процессы, качества, состояния и т. п.; 2) по отношению к определенной сфере человеческой жизни и деятельности, а именно, к быту. Данная лексика относится к этнографическим названиям, «этнографизмы – это слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с особенностями быта, материальной и духовной культуры данного народа, народности или местности»⁸¹. Иногда бытовую лексику сближают с народной терминологией, т. е. терминами различных ремесел и отдельных видов производственной деятельности сельского населения. Основанием для такого сближения служат: однозначность части бытовых слов, связанность их с определенным ремеслом или хозяйственным процессом (винокурением, плетением корзин, портновским делом, сапожничеством, изготовлением деревянной посуды и т. п.), стилистическая нейтральность. Наблюдается в бытовой лексике и специализация значения слова, т. е. сужение его семантики, которое выражается в ограничении сочетаемости слова в определенном значении, а также в случаях переноса значения по общности признаков, когда исходное значение целиком включает в себя все признаки нового значения. Специальное значение часто становится основой для создания термина⁸². Однако можно говорить об известной терминологичности лишь отдельных групп предметно-бытовой лексики, в целом же она, в отличие от терминов, является принадлежностью речи всего коллектива, т. е. каждого человека, а не профессионально ограниченной группы лиц, относится постоянно к сфере быта, характеризуется наличием синонимов, многозначностью и диффузией семантики, жанрово-стилевым расслоением.

Семантические свойства исторической конкретной лексики предметно-бытового характера изучены еще недостаточно⁸³. Исследователи неоднократно отмечали, что в семантике конкретно-предметных существительных наблюдается самая тесная связь

⁸¹ Этерлей Е.Н. Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре // Диалектная лексика. Л.: Наука, 1976. С. 16.

⁸² Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. Л.: Наука, 1964. С. 205.

⁸³ Сороколетов Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция // Исследования по исторической семантике. Калининград: КГУ, 1980. С. 8.

лексического значения слова с конкретными свойствами реалии⁸⁴, не случайно так популярна в диалектной и исторической лексикологии идея комплексного изучения слова, предмета и связанных с ними обрядов и поверий⁸⁵. В объем лексического значения конкретно-предметных слов входят в большей или меньшей степени – функция и особенности внешнего вида. По мнению Д.Н. Шмелева, «...названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации... Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически»⁸⁶. Мотивирующим признаком подобных слов также иногда является название содержимого (*перечница* ‘сосуд для молотого перца’, *солонка* ‘небольшой сосуд для соли, подаваемый к столу’), процесса, выполняемого с помощью предмета (*рукомойник* ‘небольшой висячий сосуд для умывания’), указание на предназначенность для использования в определенных условиях (названия одежды *летник*, *холодник*) и т. п.

У других слов в содержании лексического значения учтены одна или несколько особенностей внешнего вида реалий, это слова с комбинаторной семантикой⁸⁷, к ним относятся, например, названия предметов по особенностям внешнего вида: материалу, форме, окраске, характерным деталям и т. п. (см. старорусские названия разновидностей ковшей: *лебедь* ‘ковш в форме плывущей птицы’, *кленовик* ‘ковш из древесины клена’, *конюх* ‘ковш с ручкой в виде головы коня с изогнутой шеей’, *скобкарь* ‘ковш с двумя ручками-скобками’ и др.). Применительно к таким словам справедливо высказывание Б.А. Ларина о том, что «для некоторых идей и представлений, связанных со словами, зрительный образ вещи является их основным, бесспорным или даже единственным содержанием. Таковы, например, представления из области материальной культуры (об одежде, утвари, орудиях производства)»⁸⁸.

В предметно-бытовой лексике в силу ее преимущественно разговорного характера развита диффузность или синкретизм значений. Необходимо, видимо, различать два разных случая диффузности в семантике слова, особенно применительно к древнерусскому или диалектному материалу: а) объективную языковую диффузность, подтверждаемую регулярностью употребления слова в диффузном значении; б) контекстуальную, факультативную диффузность, обусловленную семантической неясностью или двусмысленностью контекста.

⁸⁴ Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1936. С. 53; Трубочев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М.: АН СССР, 1966. С. 16; Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. С. 168; Сороколетов Ф.П. Рец. на кн.: Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. // Вопросы языкознания. 1977. № 2. С. 157.

⁸⁵ См., например, предложенную Н.И. Толстым и С.М. Толстой программу развития этнолингвистики и созданного на этой основе этнолингвистического словаря славянских древностей: Толстой Н.И., Толстая С.М. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г.: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 213–231.

⁸⁶ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. С. 234 – 235.

⁸⁷ Сороколетов Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция. С. 8.

⁸⁸ Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). С. 19

Как установлено исследователями, лексико-семантические связи древнерусских слов в составе лексико-семантической группы определялись первоначально происхождением этих слов, а затем всё более сферой функционирования слов. Малочисленные группы имеют более тесные семантические связи и более стройные отношения между членами, примерами таких объединений являются названия футляров, названия вместилищ для денег и ценных бумаг⁸⁹.

Каждая группа предметно-бытовой лексики имеет свой семантический центр («опорные слова» – по Ф.П. Филину): это наиболее употребительные лексемы, богатые производными. Часто роль центра выполняют гнезда однокоренных слов, см. названия плетеных вместилищ (с корнем *короб-/краб-* в текстах XVI–XVII вв. выявлено около 20 слов), названия вместилищ из дерева и металла (с корнем *-голов-* обнаружено более 10 слов) и т.д. Подобные слова часто были родовыми по отношению к названиям разновидностей определенной реалии. Отмечается в группах и периферия, куда относят редкие, архаические и экзотические слова, лексемы с диффузной семантикой, слова, входящие в группу по одному из своих значений.

Большинство названий в каждой группе имело одинаковую цепочку семантической деривации, например, названия одежды: ‘материал’ → ‘одежда’ (*багрянница, рубище, пониток*), названия вместилищ: ‘материал’, ‘способ изготовления’ → ‘вместилище’ → ‘мерный сосуд’ → ‘мера’ (*дубь, пошевь*). У некоторых слов все эти значения могли быть представлены одновременно, с недостаточной дифференциацией, поэтому в бытовом словаре постоянно шёл активный процесс дифференциации и спецификации семантики слов; ср.: в XVI в. *мешок* обозначало ‘большое по объему вместилище из кожи, ткани, рогожи’, *рогожа* – ‘рогожное полотно; вместилище из рогожи’; в XVII–XVIII вв. *мешок* имеет значение ‘большое вместилище из холста’; *рогожа* – ‘плетенное из мочала полотно’, *куль* – ‘вместилище из рогожи’.

Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор. В названиях мужской верхней одежды, где были элементы разного происхождения (*кафтан, армяк, абаб, чекмень, азям* – тюркские слова; *жупан* – арабизм, усвоенный из французского через западнославянское посредство; *кабат* – иранское, усвоенное через польское посредство; *бешимет* – татарское; *терлик, халат* – турецкое; *камзол* – из итальянского через немецкий и т. д.), отсутствуют семантические связи, охватывающие все слова этой группы. Наоборот, названия рукавиц, возникшие в основном на русской почве (*рукавица, перстница, голица, верхница, деяница, шубница, вязеница, водяница, плетеница, надолонка, дубленка, кожница, исподка*), отличаются значительной семантической организованностью, имеют одинаковую лексическую сочетаемость, проходят одинаковый путь семантической эволюции, составляют свои синонимические ряды и даже антонимические пары типа *верхница* ‘верхняя рукавица’ – *исподка* ‘нижняя рукавица’.

Обращает на себя внимание относительная недостаточность числа родовых слов, а также их слишком общая, недифференцированная семантика. Например, в древнерусский период названия головных уборов входят в одну группу с названиями одежды, поэтому родовых слов *одежда, платье* и пр. было вполне достаточно для обозначения

⁸⁹ См., например: *Судаков Г.В.* В чем носили деньги древние русичи? // *Русская речь.* 1984. № 2. С. 99–104.

одежды, головных уборов, передников и т. д. Выделение названий головных уборов в особое лексическое объединение намечается в старорусский период, здесь функции родового слова на некоторое время взяло на себя слово *шапка*, но уже в XVIII в. появляется составное наименование *головной убор*. По мнению Г.Н. Лукиной, развитие родовых слов в отдельных группах названий одежды могло задерживаться из-за отсутствия соответствующих глаголов, от которых они образовывались⁹⁰. Может быть, причиной наличия или отсутствия родовых слов является степень развития дифференцирующей способности лингвистического сознания у этноса, пользующегося данным языком. Например, в древнерусский период было лишь одно родовое наименование *судъ*, с конца XVI в. появляется *посуда*; в древнерусский период начинают формироваться родовые названия для отдельных групп посуды по материалу: *скляница*, *плетенница* и др.; в национальный период формируются родовые названия посуды с учетом функции: *столовая*, *поваренная*, *кухонная*.

Иногда на первом этапе формирования родовое наименование функционирует как собирательное существительное, ср. *посудье* – около 1571 г. (активно в первой половине XVII в.), *посуда* – с 1599 г.: «воду новую так отведает, будет здоровая или нездоровая, покропи ею посудие какое оловяное или медное» (Назиратель: 179); «и посуда де всякая его Первушина была на том его дворе» (1599 г., чел.; Руск.-кавк.: 326). Лексема *посуда* до середины XVII в. употребляется редко, активизация этого наименования начинается с 50-х гг. XVII в., оно вытесняет слово *посудье* и заметно ограничивает использование древнерусской формы *суды* (от *судно*).

Наблюдается в старорусском языке избыточность лексических средств за счет одновременного употребления родового и видового слова или двух видовых одновременно: *рукавицы дубленицы*, *ковши кленовик*, *рукавицы верхницы вязаницы*. Причиной такого употребления является стремление к всестороннему и точному обозначению-характеристике реалии в целях более эффективного общения. Используемые при этом названия имеют яркую, образную форму, подчеркивающую один признак реалии и затемняющую все остальные ее свойства, поэтому появляется необходимость в дополнительных наименованиях, с других сторон характеризующих предмет.

В развитии исторической лексикологии важную роль сыграли концепции системности в организации словаря. Истоки учения о лексико-семантической группе обнаруживаются в трудах Н.В. Крушевского и М.М. Покровского и Н.В. Крушевского⁹¹. Позже учение о лексико-семантических группах на историческом и диалектном материале разрабатывал Ф.П. Филин, см. одно из его определений: «Совокупности слов, имеющие близкие (в т. ч. противопоставленные – антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимами), составляют лексико-семантические группы или единства»⁹².

⁹⁰ Лукина Г.Н. О некоторых признаках лексико-семантических групп древнерусской лексики // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. М.: АН СССР, 1984. С. 76.

⁹¹ Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883. С. 66, 69, 149; Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: АН СССР, 1959. С. 733.

⁹² Филин Ф.П. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов // Вопросы славянского языкознания. Кн. 1. Львов, 1948. С. 223; он же. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 225.

Исследование истории лексики в тематическом плане преобладает в отечественной лингвистике, оно имеет целый ряд очевидных достоинств: «... позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выяснить объем значений слов, их употребления..., определить удельный вес этих групп в словарном запасе языка, их рост или сокращение в зависимости от внешних, исторических обстоятельств, процессы терминологизации слов с общими значениями, изменяющееся соотношение исконных и заимствованных слов, расширение и сужение значений слов (также в зависимости от изменений «материи» и функций обозначаемых предметов и явлений), установить в некоторой степени стилистическую дифференциацию слов в пределах тематической группы»⁹³. Тем не менее, возникает вопрос: имеет ли смысл монографическое описание всего состава тематических групп на разных этапах истории языка? На этот счет имеется определенное мнение ряда ученых: «Одной из актуальных задач исторической лексикологии наряду с описанием истории слов является сейчас уже воссоздание истории эволюции целостных микросистем. Анализ таких микросистем целесообразно проводить в плане изучения их функционирования по отдельно взятым хронологическим периодам развития языка»; «Историческую лексикологию сейчас уже нельзя строить “на глазок”, опираясь лишь на “ряд” избранных, облюбованных примеров по лексике. Нужны фронтальные обследования и совершенно конкретные подсчеты составных элементов русского словарного состава в его истории»⁹⁴.

Большой фонд данных на эту тему имеется в целом ряде исследований⁹⁵.

В свое время Ф.П. Филин заметил, что «в древнерусском письменном языке по известным причинам значительные (если не основные) слои диалектной лексики не нашли полного отражения»⁹⁶. Но в письменности не нашло отражения и большое число общерусских слов. Степень отражения различных тематических групп определялась не только общественной значимостью соответствующих предметов материальной культуры и явлений общественной жизни, но и другими причинами. Так, дороговизна тканей и одежды обусловила тщательную фиксацию предметов одежды и достаточно широкое отражение в текстах названий одежды, головных уборов, рукавиц и т.п. Иначе обстоит дело с названиями пищи, особенно готовых блюд. Царский и патриарший стол описывался довольно полно, описаний же обеда или пира посадского человека, крестьянина в памятниках нет, поэтому восстановить в полном объеме старорусский словарь народных кушаний чрезвычайно сложно. Пропуск некоторых промежуточных звеньев в лексико-семантической группе, к сожалению, сказывается в более широком толковании семантики отдельных слов: лакуны заполняются вообра-

⁹³ Филин Ф.П. О названиях обуви в русском языке // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. VI. С. 166.

⁹⁴ Герд А.С. Семиотические аспекты истории научной терминологии // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: ЛГУ, 1977. С. 166; Иванов В.В., Трубачев О.Н. Ф. П. Филин (1908–1982) // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 5.

⁹⁵ См., например: Борисова Е.Н. Проблема становления и развития словарного состава русского языка конца XVI – XVIII вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1979. 38 с.; Иссерлин Е.М. Конкретная и абстрактная лексика в литературном языке XVII в. // Начальный этап формирования национального языка (на материале русского языка). Л.: Наука, 1960. С. 97–111.

⁹⁶ Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // УЗ ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 80. Л., 1949. С. 277.

жением исследователя, распределяющего выявленные им лексические единицы в потенциально возможном смысловом поле.

2.2. Историческое слово в жанрово-функциональном аспекте

Динамика лексики и системные отношения в ней во многом обусловлены текстом и проявляются в тексте, т. е. в процессе функционирования. Поэтому является актуальным изучение словаря в функциональном аспекте: сфера употребления, жанрово-стилевое распределение слов, внутригрупповые и межгрупповые связи лексики и т. п.

Всестороннее описание стилистических качеств исторического слова возможно лишь на основе анализа многообразных в жанрово-стилевом отношении контекстов. Обследование большого массива текстов позволяет достаточно полно изучить историю любого слова в его фонетико-грамматических и лексико-семантических вариантах, его стилистическую и функциональную зависимость от текста. Как важен учет разнохарактерных текстов для анализа слова, показывает следующий отрывок из сугубо богословского трактата Юрия Крижанича «Смертный разряд» (XVII в.), в котором значительное место уделено спору о том, какой хлеб следует использовать при причащении: пресный или квасной, см.: «Общено адда име ест Хлеб, а уделна пак имена есут: Коврига, Бохан, Колач, Кулич, Краваица, Сайка, витушка, обаренец, вертан. И по другому обзору уделна же имена: Пшеничник, Рженик, ячменник, овсеник, просеник. И по тритем обзору уделна же: Оприснец, кваснец, погача, парник»⁹⁷. Подобного перечня разновидностей печеного хлеба, да еще с готовой классификацией (родовые-видовые названия; названия по форме, по названию муки, по особенностям подготовки теста) нет даже в деловых текстах.

Деловая письменность позволяет быстро собрать массовый материал, но без учета литературно-художественных и религиозных текстов мы не получим полного представления о функционировании слова в русской речи соответствующей эпохи, о всех нюансах его семантики и стилистики⁹⁸. Оценим более подробно средневековые литературно-художественные тексты.

1. Расширение социального состава авторов, демократизация содержания литературных произведений привели к тому, что в текстах появились упоминания о таких конкретных деталях внешнего вида, качествах, свойствах, хозяйственных функциях бытовых предметов, которые не названы даже в деловых документах. Одно из назначений повестей, как укрытия для скота в непогоду, раскрыто в произведении Аввакума «О сотворении мира»: «и коровы болши знают вас, пред погодою визжат, да ревут, и под повети бегут» (РИБ-39: 683). Функция заднего крыльца как местонахождение нужника характеризуется в «Повести о боярыне Морозовой»: «Великой убо Феодоре изшедши на задней крылец, идеже исходят на нужную потребу» (с. 138).

2. В XVII в. происходит бурный процесс обновления лексики: вовлечение в письменное употребление новых слов и выход из обихода устаревшей лексики. Так, в «По-

⁹⁷ Гольдберг А.Л. О «Смертном разряде» Юрия Крижанича // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1974. М.: Наука, 1975. С. 100.

⁹⁸ См., например, показательные по этой проблеме монографии: *Рогожников Т.П.* Жития «макариевского цикла»: Жанр. Стил. Язык. СПб., 2003. 348 с.; *Пименова М.В.* Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб., 2007. 415 с.

вести о купце» XVII в. употреблено слово *квартира* – *квортера*: «Купец же поклонися и поиде до квортеры своей... Купец же приидоша до квартиры своей» (Пов. XVII в.: 132). СлРЯ XI–XVII вв. иллюстрирует это слово примерами из повестей о Савве Грудцыне и Фроле Скобееве по спискам XVIII в. (СлРЯ XI–XVII вв., 7: 103).

Благодаря широкому употреблению в одном и том же тексте синонимических соответствий разной структуры может быть зафиксирован процесс трансформации составного наименования в одно слово, например, *богадельная изба* – *богадельня*, *темная полата* – *темница*: «из *богадельные избы* старица Агафья сказала, сказали у них в *богадельне* сего дни, что от государя патриарха будет к ним в *багаделне* власть з господнею ризою» (Документ. сказание: 267); «У Николы на Угреше сежю в *темной палате*, весь обран ж пояс снят со всяцем утверждением, и блюстителя пред дверьми и внутрь полаты... Писано в *темнице* лучинкою» (письмо к сыну, 1666 г.; Три соч. Авв: 262–263).

Художественные тексты, близкие к народно-разговорной речи, например, «Житие протопопа Аввакума», способствуют вовлечению в письменный обиход из разговорной речи уменьшительных образований с эмоционально-оценочным значением: *хлебёц* (наряду с более частым *хлеб*), *кафтанишко* (и *кафтан*), *шубенко* (чаще *шуба*), *молочко*, *ветчинка* и др.

Именно в художественных текстах вероятнее всего употребление архаичных слов, что вполне объяснимо: «единство древнерусской литературы на всем протяжении развития с XI по XVII в. обеспечивало и единство традиции древнерусского литературно-письменного языка вплоть до середины XVII в.»⁹⁹. Во «Временнике» И. Тимофеева употреблено редкое слово *теплица* наряду с обычным для XVII в. *баня*: «Но обычай баше новобрачным ради измовения тела в *баня* входити; и по совокуплении того с своею купно з госпожею и женою вниде той предиреченный отрок в *теплицу*. Но zde страх, zde трепет! Дивно чюдо содеяся тогда, внегода отрок вниде в *баню*» (1616–1619 гг.; Вр. Тимофеева: 99).

3. Наблюдается закрепленность отдельных слов за тем или иным типом контекста. В текстах, тяготеющих к старокнижным традициям, предпочитают слова с обобщенным значением: слово *храмина*, которое легко заменяло собою многие другие названия (*богадельня*, *дом*, *хоромы*, *хижа* и т. п.). Только в литературно-художественных текстах отмечены специальные наименования помещений для сна: *ложница* – *постельная храмина* – *постельная*: «Муж же нача в совести убодатися и помышляя о жене, яко некто есть на ложи, и вскочи напрасно и удари *ложницы* в двери и отвори скоро» (Вел. Зерцало: 212); «царю же в *постелной* своей *храмине* сидящу, и внезапно случися ему смерть» (Пов. Катырева-Ростовского; РИБ-13: 574); «Княгиня же отиде в чюлан, иже устроен в той же *постелной*...; вниде в *постелную* дерзьско и виде ю возлежащу» (Пов. о Морозовой: 134).

Анализ употребления слов, предпочитаемых в книжно-письменной речи, показывает, что выбор их обусловлен обобщенностью семантики, способностью выступать в роли символа чего-либо. Симеон Полоцкий, например, из названий человеческого жилища предпочитает слово *дом* (*дом* – 56 употреблений, *палата* – 10, *жилище*, *чертог* –

⁹⁹ Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981. С. 19.

по одному), из названий съестных припасов – *хлеб* (*хлеб* – 26, *пища* – 7, *брашно* – 4, *снесь* – 1)¹⁰⁰.

4. Книжники старорусского периода пользовались разными языковыми средствами вполне сознательно, свободно меняя книжную манеру изложения на разговорную. Что же касается отдельных слов, то их выбор определялся общим лексико-семантическим и стилистическим фоном контекста. Стихийное одновременное употребление церковно-книжных фразеологизмов и разговорных синонимов встречается в изобилии у Аввакума.

В совокупности лексических значений слова можно выделить контекстуально связанное значение, то есть проявляющееся только в контекстах определенного содержания и известных стилистических качеств: «егда же зима насташе, у детей своих взимаше сребреницы, чим устроить *теплыя ризы*, и то нищим раздаяше, а сама без *теплыя одежды* в зиму хождаше» (Пов. об Улиании: 301).

5. В XVII в. литературно-художественные тексты начинают все чаще выступать в качестве лаборатории семантико-стилистических экспериментов. Преимущественно для книжной речи были свойственны такие синонимические ряды: *чертог* – *обиталище* – *полата* – *дом* – *жилище*; *одежда* – *одеяние* – *портище* – *риза*; *брашно* – *снесь* – *ядь* – *ястие*; *ложе* (*ложка*) – *постель* – *одр* и т.п., причем все эти слова характеризовали предмет весьма обобщенно и отвлеченно. В то же время писец стремился к разнообразию языковых средств, см.: «Некий человек дом имея великий прилучен же бе стеною ко *хлевинке* убогаго некоего работнаго человека... дивяшеся убогаго житию, како в *хижице* своей и в толиком убогом жителстве непрестанно веселится..., прииде же ко убогому во убогий *домик* его» (кон. XVII в., Вел. Зерцало: 347–348).

Широкое употребление синонимов в литературно-художественных текстах – весьма важная особенность, позволяющая с опорой на восприятие носителей языка определенной эпохи устанавливать семантическое тождество слов, например, таких, как *кабак* – *корчма*: «Яко хто на *корчме* бытен пьет, всяк его хвалит в те поры, кое у него видят и пьют, а жити про себя на *кабаке* и не пити, яко в век скупому лают и хотят вси с одного ограбит» («Служба кабаку», 1666 г.; Сатира 17 в.: 45).

Книжная письменность Московской Руси XVI–XVII вв. дает богатый материал для анализа соотношения разговорных и книжно-письменных элементов в составе литературного языка, эволюции книжно-славянского типа языка, развития народно-литературного типа в повествовательной литературе, увеличения проницаемости границ между разновидностями литературного языка и между разговорной и литературной речью, а также для уяснения закономерностей семантико-стилистического развития русской лексики в начальный период становления норм национального выражения.

2.3. Состояние и проблемы лингвогеографического изучения исторического слова

Историками языка установлено, что на разных территориях функционирования русского языка количественный объем различных групп лексики не был одинаков, подвижными были семантические границы между тематическими группами и отдель-

¹⁰⁰ Подсчитано по изданию: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. 295 с.

ными словами, а количество общерусских лексических элементов в силу преобладающе диалектного характера русского языка донационального периода было сравнительно невелико¹⁰¹.

Какое же место должны занимать сведения по географии слов в исторической лексикологии? Не покусается ли историческая лексикология на то, что принадлежит исторической диалектологии? Думается, что у этих дисциплин есть вопросы общей компетенции, например, выявление общерусских и отграничение местных элементов в области лексики. Это важная задача, решение которой позволяет воссоздать лингвистический ландшафт Русской земли в разные периоды ее истории, установить вклад отдельных наречий и говоров в общерусскую лексическую сокровищницу, исследовать пути и способы вхождения диалектных слов в общее употребление, в литературный язык, проследить за их семантическими и стилистическими превращениями. Изучение диалектных элементов в лексике связано и с проблемой «исконное – заимствованное», что предполагает фиксацию и описание межъязыковых контактов. Многие слова до вхождения в общерусский фонд длительное время употреблялись лишь на ограниченной территории, не были общерусскими.

Данные письменных памятников, особенно поздних периодов, начиная с XVI в., позволяют весьма достоверно устанавливать территорию употребления слова. Диалектная лексикография, основанная на материалах XIX–XX вв., может играть в таких исследованиях лишь вспомогательную роль. Между тем ссылки на Даля стали общим местом, хотя то, что было в лексике двести–триста лет назад, может не соответствовать состоянию диалекта в XIX–XX веках.

Использование данных лексики для решения проблемы диалектного членения русского языка донационального периода имеет известную традицию. Особенно значительны успехи отечественных исследователей в описании лексического состава старорусских памятников, связанных с отдельными территориями или культурно-письменными центрами, например, с бассейном Северной Двины (Н.С. Бондарчук, А.В. Волынская, В.Я. Дерягин, Б.А. Ларин), с Великим Новгородом и Псковом (В.Л. Васильев, А.А. Зализняк, Л.Я. Костючук, В.И. Максимов, О.С. Мжельская, В.П. Строгова), с Белозерьем (Е.П. Андреева, Ю.И. Чайкина), с Москвой и Подмосковьем (Е.И. Зиновьева, О.В. Никитин, В.Н. Прохорова, Г.А. Якубайлик), с югом России (С.И. Котков, Н.К. Соколова, В.И. Хитрова), с Рязанью и Смоленском (Е.Н. Борисова), с Зауральем и Сибирью (М.С. Выхрыстюк, Л.А. Глинкина, Л.М. Городилова, Ю.Г. Захарова, Л.А. Инютина, А.П. Майоров, И.А. Малышева, Л. Г. Панин, В. В. Палагина, О.Г. Порохова, Е.Н. Полякова, О.В. Трофимова, Г.А. Христосенко, Л.И. Шелепова, О.Г. Щитова, Н.А. Цомакион).

Однако практически не было попыток воссоздать полностью диалектное состояние русского языка XVI–XVII вв., хотя, по мнению В.Г. Орловой, начальный этап национального периода (XVI–XVIII вв.) был «особенно важным для оформления диалектного членения русского языка в его современном виде»¹⁰². Диалектное членение средневековой Руси реконструируется для периода не позднее XIV–XV вв., т. е. эпохи

¹⁰¹ См. обобщенные сведения: *Судаков Г.В.* География старорусского слова. Вологда, 1988. 84 с.; *он же.* История русского слова. Вологда: ВоГУ, 2015. Изд. 2, доп. 360 с.

¹⁰² Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М.: Наука, 1970. С. 223.

формирования языка великорусской народности, причем главным образом на основе фонетико-морфологических данных современных говоров¹⁰³. Вместе с тем существует определенное мнение, что «создание русской диалектографии, основанной на показаниях памятников, – задача вполне реальная»¹⁰⁴. В.В. Колесов справедливо считал, что «доверие к диалектным материалам преувеличено настолько же, насколько преувеличено недоверие к материалам, извлеченным из письменных источников»¹⁰⁵. Богатые архивные собрания памятников письменности XVI–XVII вв. и уже выполненные лексикологические описания части из них позволяют приступить к воссозданию лингвистического ландшафта прошлого. Если для языка XI–XV вв. говорят лишь о некоторых предполагаемых диалектизмах, то для периода XVI–XVII вв. в большинстве случаев можно выявить диалектизмы очевидные. Ср. другой случай, когда большой массив новгородских берестяных грамот позволяет делать выводы о лексических и иных особенностях древнего новгородского говора¹⁰⁶.

Выявление общерусского и отграничение местного – важнейшая задача исторической лексикологии русского языка XV–XVII вв., от решения которой зависит определение словарного вклада отдельных территорий в сокровищницу общерусского национального языка, воссоздание территориальной дифференциации лексики, изучение соотношения и взаимодействия словаря центра с лексикой областных культурных центров, поэтому «обследование и разъяснение лексики XVI–XVIII вв. дают историческое освещение основному составу словаря современного русского языка»¹⁰⁷.

Выводы о географии слов и связанных с ними предметов, сделанные на ограниченном материале, нередко бывают ошибочными. Б.А. Ларин относил к южнорусизмам слова *армяк*, *кафтан* и *однорядка*¹⁰⁸, которые в XVI–XVII вв. бесспорно имели общерусский характер, правда, *армяк* – лишь с конца XVII в. Е.Н. Полякова находит среди южнорусизмов название девичьего головного убора *перевязка*¹⁰⁹, хотя оно было представлено среди южнорусских говоров лишь в смоленском, имеющем переходный характер. В.В. Виноградов считал, что слово *опашень* было в XV–XVI вв. севернорусизмом¹¹⁰, хотя в действительности оно гораздо шире было распространено в среднерусской письменности. М.Г. Рабинович полагал, что о зипунах упоминается лишь

¹⁰³ Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 160 с.; Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 191 с.

¹⁰⁴ Котков С.И. Памятники русской письменности и историческая диалектография // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 14. См. также: Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1970. 317 с.

¹⁰⁵ Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросник. М.: АН СССР, 1969. С. 58. Ср. также: «Именно в лексике историко-диалектологические исследования с широким использованием локализованных и датированных текстов представляются наиболее перспективными» (Дерягин В.Я., Комягина Л.П. Из истории диалектных границ в северной России // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 118). См.: Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск: СГПУ, 1974. 160 с.

¹⁰⁶ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2 изд. М., 2004. 872 с.

¹⁰⁷ Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). М.: JL: изд-во АН СССР, 1936. С. 9–10.

¹⁰⁸ Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. С. 234.

¹⁰⁹ Полякова Е.Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII – начала XVIII в. // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь: ПГПИ, 1977. С. 47.

¹¹⁰ Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 280.

однажды в воронежском акте последней четверти XVII в.¹¹¹, хотя это общерусское наименование, фиксируемое в источниках с 1577 г., а его деминутив *зипунишко* – с 1568 г., см., например: «продал кафтан зенденинной вишневы да зипунишко зенденинное да телогреенцо заечинное» (Кириллов, 1568 г., кн. пр. К.-Бел. м. № 1, л. 9 об.; КДРС); «зипун тафта жолта стеган... зипун тафта празелена» (Москва, 1577 г., платье царя Ив. Вас.; Заб. Дом. быт-2: 859, 870).

Для выяснения наиболее древней картины диалектов на определенной территории в первую очередь исследуют географическую терминологию, лексику земледелия и т. п. Учитывая неодинаковые темпы изменяемости разных групп лексики, при изучении лингвогеографической ситуации конкретного периода обращаются к анализу лексики из сфер «одежда», «утварь», «пища», «постройки», обладающей большой динамикой, чутко реагирующей на изменения «вещного» мира. Обозначая жизненно важные реалии, по-разному эволюционирующие на разных территориях, эти слова меняют свой семантический объем и парадигматические связи, что обуславливает их территориальную дифференциацию, особенно развитую в кругу конкретных названий. Здесь немало и чисто этнографической лексики, называющей реалии локального распространения. В донациональный период при существовавшем тогда уровне грамотности и образования бытовой словарь для большинства русских был основным элементом устного общения.

В период Московской Руси идет интенсивное междиалектное взаимодействие, постепенно складывается общерусская норма в письменной речи и общерусский фонд средств в сфере разговорно-обиходного общения, ускоряется языковая интеграция нации. В XVII в. общность русской народности приобретает сравнительную устойчивость, начинается переход ее в нацию.

Методы и источники исследования

Идея лингвистического картографирования диалектных данных русского языка была впервые высказана И.И. Срезневским¹¹², но историческая лингвогеография еще слабо разработана. Вопросы методики в этой области обсуждались мало. Ср. мысль А.С. Герда о том, что «относительно полная история диалекта может быть воссоздана в целом только как история регионального языка во всем многообразии речевых ситуаций и типов текста»¹¹³.

Все тексты должны иметь строго фиксированную территориальную приуроченность. Значительная часть памятников местной письменности связана не с малыми населенными пунктами (впрочем, понятие о больших и малых селениях в то время сильно отличалось от современного: только самые крупные города насчитывали более 500 дворов, а деревни в 5-10 дворов были обычным явлением), а с административно-территориальными центрами, т. е. уездными городами. Это обстоятельство определяет разреженную сетку пунктов и невозможность установить точные изоглоссы. Исследователи признают, что на нынешнем этапе исследования указание на незафиксиро-

¹¹¹ Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. М.: Наука, 1986. С. 70.

¹¹² Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Русского географического общества. 1851. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 5. С. 6.

¹¹³ Герд А.С. Роль речевых ситуаций в формировании регионального языка // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М.: АН СССР. ИРЯ, 1982. С. 208.

рованность слова в том или ином пункте может обозначать не отсутствие слова, а отсутствие информационно насыщенного текста, отражающего говор данной территории. В диалектологии обычно исследуются противопоставленные факты. В исторической лингвогеографии, учитывая особенности изучаемой лексики, можно привлекать и непротивопоставленные явления, особенно те, которые позднее тоже становятся в оппозиционные ряды.

Важной, но трудоемкой задачей является фиксация типичных для данной территории слов – «метод ареальной реконструкции»¹¹⁴. Частота употребления лексемы является географически варьирующимся показателем, поэтому важно учитывать употребление слова в письменности данного пункта хотя бы до условного минимума (10 употреблений), но в текстах, написанных разными авторами (не менее чем в трех разных источниках). В случаях единичной фиксации слов выводы о географии слов формулируются достаточно осторожно.

Есть опыты оформления материала вначале в таблицы, играющие роль исходных карт, а затем в сводные таблицы или карты изоглосс¹¹⁵. Предлагаемые таблицы имеют два вида: полные, включающие все слова тематической микрогруппы, и дифференциальные, отражающие только региональную лексику. Обратим внимание на трудности разграничения междиалектного, не узколокального средства и общерусского разговорного, так как и в донациональный период в языке функционировали, кроме разговорных слов общерусского употребления, междиалектные лексические средства, употребляемые в нескольких или даже многих пунктах и связанные с несколькими диалектными континуумами.

Старорусскому локализму свойственны: ограниченный ареал употребления, уславливаемый по памятникам письменности, приуроченным к определенной территории; отсутствие данного слова в текстах общерусского распространения; противопоставленность его элементам общерусского употребления; возможное сохранение словом локального характера и в последующие периоды. Основным в ряду перечисленных признаков является первый. Ф.П. Филин считал особо значимым последний признак¹¹⁶, но это вряд ли справедливо.

Хронология источников далеко не одинакова, например, южновеликорусские тексты сохранились лишь с конца XVI в. На севернорусской и среднерусской территориях представлено несколько большее число культурно-письменных центров, чем на юге и в Сибири (ср.: север – 39, средняя Россия – 38, юг – 31, Сибирь – 18), что объясняется наличием здесь крупного количества монастырей, особенно в Вологодском и Белозерском уездах. В монастырях имелись большие библиотеки: Ферапонтов монастырь имел 352 книги (опись 1665 г.; ГАВО, ф. 883, д. 40, л. 35–53), Спасо-Прилуцкий – 407 (опись 1654 г.; там же, ф. 512, д. 44, л. 53–62 об.); Спас-Каменный – 411 (опись 1670 г.; там же, ф. 883, д. 44, л. 40–46]. До двух тысяч книг насчитывали биб-

¹¹⁴ Филин Ф. П. О лексике древнерусского языка // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 12.

¹¹⁵ О типах лингвистических карт в исторической лексикологии см.: Сухачев Н.Л. Лингвистические атласы и карты // -Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974. С. 33–43; Чайкина Ю.И. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // Ю.И. Чайкина История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволожье). Вологда., 2005. С. 17–33.

¹¹⁶ Филин Ф.П. Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука. 1968. С. 387–388.

лиотеки Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиева монастырей, где и писались книги¹¹⁷.

Историческая лексикология пока не располагает выверенными данными о составе общерусского словарного фонда XVI–XVII вв., поэтому публикации подобных сведений даже по отдельным тематическим группам имеют самостоятельную ценность. Обобщая данные других исследователей и собственные наблюдения, приходим к выводу, что среди названий одежды к средствам общерусского распространения относились почти все родовые наименования: *одежа* – *одежда*, *одеяние*, *риза*, *платье*, *порты* ‘одежда’, *портище* ‘одежда’, *портное*, *убор*, *наряд* ‘комплекс одежды определенного назначения’, *багръ* – *багоръ*, *багрянница*, *вретище*, *рубище*, *власяница*, *яригъ*, *гуня*; *обувь*, *обувение*, *обутель*, *обуца*. В общерусском употреблении находились названия рабочей одежды *сермяга* и *балахон* (последнее – с конца XVII в.), названия меховой и кожаной одежды *кожух*, *кожан*, *шуба*, *шубка*, *тулуп* (последнее – со второй половины XVII в.); названия общей верхней одежды *охабень*, *опашень*, *однорядка*, *фереизи*, *свита*, *куртка* (последнее – со второй половины XVII в.); названия мужской верхней одежды *кафтан*, *полукафтан*, *зипун*, *армяк* (последнее – к концу XVII в.), *чекмень*, *доломан*, *мятель*, *епанча*, *емурлук*; названия женской верхней одежды *сарафан*, *летник*, *телогрея*; названия нижней одежды *белье*, *рубашка*, *рубаша*, *сорочка*, *срачица*, *порты*, *портки*, *штаны*; названия нашейной одежды или деталей одежды *ожерелье* ‘воротник’, *ворот*, *воротник*; названия поясов *пояс*, *опояска*, *кушак*; *запон* ‘передник’; названия головных уборов и их деталей *покров*, *покрывало*, *плат*, *убрус*, *увясло*, *главотяг* – *главотяж*, *фата*, *перевязка*, *кокошник* (к концу XVII в.), *подзатыльник*, *сорока*, *чепец*, *тафья*, *шапка*, *треух*, *колпак*, *шляпа*; названия обуви *лапоть*, *сапог*, *башимак*, *сандалия*, *онуча*, *ногавицы*, *чулок*. На всей русской территории были известны следующие названия столовой посуды и столовых приборов: *судно* (мн. *суды*), *сосуд*, *посуда*, *судки*, *блюдо*, *блюдец*, *тарель*, *ставец*, *солонка*, *солоница*, *лжица*, *ложка*, названия посуды для напитков *чаша*, *чашка*, *чара*, *чарка*, *кубок*, *кубец*, *скляница*, *ковш*, *корец*, *братина*, *кувшин*, *кунган*, *корчага*, *чван*, *оловяник*, *ендова*, *кубышка*, названия кухонной посуды *горшок*, *котел*, *сковорода*, *сковородка*, *квасник*, *куб*, *решето*, *уполовник* (со второй половины XVII в.); названия погребной бондарной посуды *бочка*, *бочонок* (с 70-х гг. XVII в.) *кадь*, *кадка*, *бадьа*, *чан* (к концу XVII в.), *делва*, *галенок*, *ведро*, *водонос*, *шайка* (с середины XVII в.), *корыто*, *ночвы*; названия плетеных вместилищ *короб*, *коробья*, *коробка*, *кошница*, *лукошко*, *кузов*, *пошев*; названия вместилищ из кожи и ткани *мех*, *мешок*, *куль* и *кулек* (оба – со второй половины XVII в.), *сума*; названия кошельков и карманов *мошна*, *через*, *зепь*; названия деревянных и металлических вместилищ для домашних вещей *ящик*, *сундук*, *подголовок* (с последней четверти XVII в.), *ларец*; слово *влагалище* в родовом значении ‘футляр’; названия мерных сосудов *мера*, *четвертина*, *четверть*, *осьмина*, *десятня*; названия гигиенической утвари *рукомойник*, *лохань*, *белильница*; названия вместилищ для посуды *постав* и *погребец*.

¹¹⁷ Розов Н.Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л.: Книга, 1971. 123 с.; Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки русского Севера (Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв.) М.: Л.: Наука, 1977. 223 с.

В большинстве случаев эти слова употребляются в деловой письменности и частной переписке, что свидетельствует об их преимущественно разговорном характере. Закрепление ряда из них в литературном языке только еще начиналось.

Какие диалектные объединения выделены в языке Московской Руси XVI–XVII вв.?

Отчетливо проступают очертания нескольких, хорошо противопоставленных по лексическим данным диалектных зон, границы которых по ряду причин восстановлены с известной долей условности¹¹⁸. Во-первых, следует учесть, что «каких-либо общих границ диалекта (наподобие границ между княжествами, губерниями, областями и т. п.) не существует. Реальны лишь изоглоссы отдельных явлений и выделяемые на основе их пучков диалектные зоны. Границы между зонами колеблются, являются расплывчатыми»¹¹⁹. Во-вторых, примем во внимание неравномерное распределение сохранившихся и исследованных источников по территории России. В-третьих, сравнительно редкая сетка обследованных пунктов не позволяет намечать границы зон с абсолютной уверенностью, ср.: «диахронические лингвистические карты демонстрируют лишь тенденции в развитии определенных элементов, а не их абсолютные хронологические и территориальные параметры»¹²⁰. Уточнение этих границ является перспективной задачей, для ее решения требуется систематическое описание одного старорусского говора за другим на основе массового привлечения локализованных письменных источников. На наш взгляд, полное отождествление границ современных диалектных ареалов с их границами в XV–XVI вв. и даже более ранними¹²¹ и убежденность в длительной неизменности диалектных границ противоречат фактам истории языка. Кроме того, даже при тождестве ареалов взаимоотношения соседних говоров могли быть совершенно иными, нежели сейчас.

В старорусском языке XVI–XVII вв. противопоставляются по отношению друг к другу пять диалектных массивов. Север противостоит югу, они разграничены широкой и неровной полосой среднерусских говоров, внутри которой находятся такие пункты, как Торжок – Тверь – Москва – Владимир – Нижний Новгород. Внутри северной и южной территории в свою очередь противопоставлены запад и восток, но с меньшей степенью отчетливости, особенно в центральной и южной части России. Мысль о подобной схеме диалектного членения старорусского языка высказывалась и ранее, ср.: «более исконное противопоставление говоров русского языка в направлении с запада на восток постепенно перекрывалось вновь намечавшимся выделением говоров северного и южного территориальных подразделений»¹²². Граница между западной и восточной зонами проходит восточнее линии Холмогоры – Каргополь – Белозерск – Бежецк. При этом отметим, что нижнее течение Северной Двины (Архангельск, Холмогоры, Сия) является той переходной территорией, где изоглоссы северо-западной и

¹¹⁸ См. схему «Диалектное членение русского языка XVI–XVII вв. по лексическим данным» и комментарий в нашей статье: *Судаков Г.В.* Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 83–93.

¹¹⁹ *Филин Ф.П.* Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 383.

¹²⁰ *Нимчук В.В.* К вопросу об украинской диахронической лингвогеографии // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М.: ИРЯ АН СССР, 1984. С. 84.

¹²¹ *Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. М.: Высшая школа, 1980. Гл. 5.

¹²² Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М.: Наука, 1970. С. 230.

северо-восточной зон набегают друг на друга. Говоры Пскова и Великого Новгорода по лексическим показателям местной деловой письменности решительно тяготеют к севернорусскому наречию, ср. характеристику современных псковских говоров: «перед нами в лексическом отношении говоры исторически северные в своей основе, сохранившие и сегодня немало севернорусского, но подвергшиеся позднее сильным влияниям извне»¹²³.

В южнорусской области малоотчетливая граница между западной и восточной зонами идет по линии Тула – Елец – Старый Оскол. Напомним, что юго-восточную зону южнорусской территории в свое время С.И. Котков ограничил пунктами Вольный – Белгород – Новый Оскол – Острогожск – Воронеж – Усмань, а также включил в нее юго-западную часть Рязанского края¹²⁴. В общем виде указанные зоны близки к диалектным объединениям древнерусского языка XI–XIV вв., намеченным Ф.П. Филиным на основании лексических данных летописей: 1) севернорусская: а) северо-западная, в том числе, новгородская, псковская и др., б) северо-восточная; 2) южнорусская; 3) восточнорусская; 4) западнорусская¹²⁵.

Постоянно уточняется список локализмов, послуживших основой для выделения указанных диалектных массивов. В их число вошли слова, устойчиво и широко употреблявшиеся на соответствующих территориях. Лексемы единичного употребления и слова с недостаточно определенной географией распространения сюда не включаются¹²⁶.

Выявленные различия между северо-западной и северо-восточной зонами подтверждают вывод, сделанный Ю.И. Чайкиной на основе анализа других лексических групп, о том, что «существовавшая на более раннем этапе развития русского языка тенденция к обособлению словарного состава западной и восточной зон в их северной части в среднерусский период получает дальнейшее развитие»¹²⁷.

Остановимся на характеристике северодвинского говора. Его включение в состав северо-западного диалектного объединения имеет известную традицию, ср., например: «Холмогорский говор сложился на основе древнего новгородского наречия под некоторым воздействием туземных языков (белозерской чуди, саамов, ненцев). С XVI в. подвергся скрещению с устюжско-вологодским, верхневолжским и московским диалектами»¹²⁸. Вместе с тем диалекты нижнего течения Северной Двины тяготеют и к северо-восточной зоне, что подкрепляется этнографическими и антропологическими связями этих мест¹²⁹. Полагаем, что говоры нижнего течения Северной Дви-

¹²³ Герд А.С. О севернорусской лексике в псковских говорах // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда: ВГПИ, 1984. С. 8.

¹²⁴ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М.: Наука, 1963. С. 15–16.

¹²⁵ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 80. Л., 1949. С. 277.

¹²⁶ См. данные в книге: Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2015. С. 247–263.

¹²⁷ Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья. // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 155.

¹²⁸ Ларин Б.А. Русско-английский словарь – дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: ЛГУ, 1959. С. 310.

¹²⁹ Витов М.В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XI–XVII вв.). М., 1964. 11 с.

ны могут быть отнесены к промежуточным, здесь происходило взаимодействие северо-западных и северо-восточных говоров, особенно активное в старорусский период. В.Я. Дерягин и Л.П. Комягина на основе анализа старорусских названий построек, географической терминологии и современного диалектного материала намечают границу между северо-западом и северо-востоком по водоразделу Онеги и Двины с Вагой¹³⁰. По нашим данным, эту границу нужно вести от Холмогор к Каргополю. Формирование северодвинских говоров (новгородских в своей основе) завершается лишь в XVII в. под влиянием верхнедвинских (великоустюжских) и сухонских (вологодских) говоров. Попутно заметим, что именование старорусских говоров по названиям рек было бы более правильно, поскольку население в те времена размещалось по водным путям. На XVI–XVII вв., как на завершающий период формирования некоторых говоров, указывала и К.В. Горшкова: «Распространившись на огромной территории, отдельные части которой имели своеобразную судьбу, новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково. История формирования этих групп и диалектных различий между ними относится к эпохе после XV в., т. е. главным образом к XVI–XVIII вв...»¹³¹.

Большое число локализмов имеет старомосковский говор. Словарь московской письменности вообще поражает своим объемом. В деловой и художественной речи Москвы происходил иногда осознанный, но чаще стихийный отбор лексических средств из огромного числа общерусских лексем или элементов других диалектов, разными путями попадающих в говор Москвы, который объединял русские языковые силы. Наличие в языке Москвы большого числа подобных фактов ставит под сомнение объективность предложенной Н.С. Бондарчук методики определения старорусских диалектизмов путем сопоставления местных явлений с данными московских письменных источников¹³² и подтверждает необходимость привлечения для лингвогеографических исследований письменных источников разной территориальной приуроченности.

Интенсивным было воздействие ростово-суздальской колонизации на состав и культуру населения, сидевшего по р. Мологе, Шексне, вокруг озер Белого, Кубанского, Воже и Лаче¹³³. Здесь находят отражение древние связи Московского и Ростово-Суздальского княжеств с Белозерьем и Вологодчиной, московская и ростово-суздальская колонизация Севера, проходившая в XIII–XV вв., а также волна обратной миграции в XVI–XVII вв. Немалую роль играет и «первоначальный севернорусский характер ростово-суздальского диалекта»¹³⁴.

¹³⁰ Дерягин В.Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ АН СССР, 1966. 18 с.; *он же*. Из истории лингвистических изоглосс в говорах Архангельской области // *Этимология*. 1966. М., 1968. С. 167–188; Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области // *Русская речь*. 1971. № 3. С. 86–95; *она же*. Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области // *Эволюция лексической системы севернорусских говоров*. Вологда: ВГПИ, 1984. С. 8–19.

¹³¹ Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. С. 144.

¹³² Бондарчук Н.С. К вопросу лингвогеографической интерпретации семантических структур // *Советское по Общеславянскому лингвистическому атласу*. Воронеж: ВГУ, 1974. С. 178.

¹³³ См. лексические показания: Судаков Г.В. Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси // *Вопросы языкознания*. 1985. № 5. С. 83–93.

¹³⁴ Аванесов Р.И. К вопросам образования русского национального языка // *Вопросы языкознания*. 1953. № 2. С. 68.

Значительным единством отличались говоры, расположенные в западной части русской территории (от Тихвина до Смоленска), по этой причине смоленские говоры иногда не включают в южнорусское наречие. Но все же если Вязьма и Дорогобуж по лексическим данным местной письменности ближе к северо-западу, то Смоленск – к юго-западу, ср. мнение о том, что смоленский говор XVI–XVII вв. не входил в южнорусскую диалектную зону¹³⁵.

Как показывает анализ, лексические связи говоров северной территории и среднерусских диалектов в XVI–XVII вв. были значительнее, чем аналогичные коммуникации средней России и юга. Можно заметить, что диалектизмы севера устойчивее, значительно и их число; данное обстоятельство в некоторой степени объясняется наличием богатой деловой письменности, хорошо отражающей местные явления. Можно предполагать более существенный вклад севернорусского наречия по сравнению с южнорусским в общенародную лексическую сокровищницу: многие слова, впервые отмеченные в письменных источниках Русского Севера, позднее закрепляются в общерусском употреблении.

Наблюдения за временем появления того или иного слова на разных территориях позволяют судить о центре инновации, что важно как для выяснения вклада отдельных говоров в общерусский лексический фонд, так и – в случаях с заимствованными словами – для определения источника заимствований. Например, слова *курта*, *куртка* были первоначально западнорусскими, а со второй половины XVII в. приобрели общерусский характер. Слова *кузов* и *бумажник* распространяются по русской территории с севера, *корзина* и *сундук* – с северо-запада, *туес* и *подголовок* – с северо-востока. *Чемодан* вначале было известно в Москве и на севере России, а с середины XVII в. становится общерусским. *Шкатулка* в изучаемый период было распространено в центре и в бассейне Северной Двины, южнее Рязани это слово не отмечалось.

В отношении южнорусских лексем (имеются в виду лишь тематические группы «одежда» и «утварь») подобные случаи неизвестны. В лексике юга преобладало общерусское, местных черт здесь вообще в количественном отношении меньше. Отчасти это объясняется меньшим числом и более поздним характером сохранившихся письменных источников. Определенную роль сыграли и историко-социальные причины, определившие менее существенную роль юга России в хозяйстве страны. Южнорусские города населялись главным образом служилыми людьми и земледельцами, здесь имелся лишь один крупный город – Калуга¹³⁶. В отношении юга нужно учесть и такой фактор: наиболее интенсивно юг заселялся в XVI–XVII вв., причем заселение шло с севера на юг, в частности, из Тульского, Московского, Костромского, Владимирского, Суздальского и других среднерусских уездов¹³⁷, поэтому среднерусское и общерусское влияние на южнорусскую речь (а не наоборот) в ту пору было особенно значительным. Со второй половины XVII в., особенно в связи с таким событием, как воссоединение Украины с Россией, возрастает украинское влияние на юге, начиная с кур-

¹³⁵ Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск: СГПУ, 1974. С. 112; Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М.: Наука, 1963. С. 16.

¹³⁶ Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). М.: Высшая школа, 1973. С. 138–139.

¹³⁷ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. 595 с.

ско-белгородских мест¹³⁸. Одновременно в связи со стабилизацией населения крепнут южнорусские диалектные черты. Возможно, некоторые южнорусские особенности развились, окрепли и распространились на более широкую территорию, например, в верхнеднепровские говоры (Дорогобуж, Вязьма), лишь в национальный период. На интенсивность изменений южновеликорусских говоров за последние три-четыре столетия указывал и С.И. Котков¹³⁹.

Что касается проблемы так называемой «диалектной основы национального языка», то можно сказать, что единственной диалектной основы не было и быть не могло. Фонд общерусских лексических средств, переходящих от одного языкового состояния к другому, постоянно возрастал, именно он и был ядром, основой, базой для словаря национального языка. В этом ядре родовые названия, появившиеся в древнерусский период и ранее, были первоначально чаще южнорусскими, а значительное число видовых обозначений зафиксировано лишь в XV–XVII вв. и первоначально в севернорусских источниках. Ведущая роль среднерусских говоров и особенно говора и письменности Москвы состояла в том, что благодаря историческим условиям формирования нации именно здесь происходил процесс отбора, закрепления и распространения (с помощью письменности и другими способами) общерусских лексических средств. Общерусское значение московского говора на основе данных фонетики и морфологии обосновал еще А.А. Шахматов¹⁴⁰. Историко-лексикологические наблюдения не подтверждают выдвинутой в начале 50-х годов XX в. идеи об определяющей роли южновеликорусских говоров в формировании национального языка¹⁴¹. Как заметил В.В. Виноградов, «к исходу XVI – середине XVII в. общенародный разговорный и письменно-деловой язык, оформившийся на базе средневеликорусских говоров с руководящей ролью говора Москвы, приобретает качества общерусской языковой нормы»¹⁴². В свою очередь, характер московского говора «определяла не местная диалектная база, а та диалектная доминанта, которая сложилась в процессе взаимодействия более широких диалектных образований русского юга и севера»¹⁴³. Вместе с тем лексические данные подтверждают предположение С.П. Обнорского о том, что «в XVII в. на самой московской территории севернорусских черт было более, чем сколько мы наблюдаем в московском говоре в настоящее время»¹⁴⁴, часть этих черт (*лагун, кузов, корзина, бу-мажник* и др.) позднее приобрела общерусский характер. Старорусские факты из области лексики не дают оснований для утверждения о том, что «главенствующим нача-

¹³⁸ Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. С. 200–201.

¹³⁹ Котков С.И. Памятники русской письменности и историческая диалектография // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 13.

¹⁴⁰ Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий // Русский филологический вестник. Варшава, 1894. № 3. С. 3–65; *он же*. Введение в курс русского языка. Ч. 1. Пг., 1916. 25 с.

¹⁴¹ См. её обоснование в работе: Аванесов Р.И. К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания. 1953. № 2. С. 47–70. Критический разбор был выполнен в статье: Черных П.Я. О начале и характере формирования русского национального языка // Филологические науки. 1958. № 3. С. 130–142.

¹⁴² Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 34.

¹⁴³ Котков С.И. Об образовании восточнославянских национальных литературных языков // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 61.

¹⁴⁴ Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. М.: Просвещение, 1960. С. 159.

лом формирования московского койне были не северновеликорусские, а южновеликорусские говоры», как считал Ф.П. Филин¹⁴⁵.

Что касается русского языка в Сибири, то он зависел от своей северновеликорусской основы и был особенно близок к говорам северо-восточной зоны, что подтверждается большим числом общих лексем: *лопоть, шушун, свитка, шабур, верхница, полукушачье, обуя, тумы, уледи; поварница, приголовок, рогоза, утка 'солонка', меденик, зобня 'корзина', косяк 'род сосуда'*. В свое время А.М. Селищев высказал мысль о том, что «в основу сибирских говоров легли говоры северной полосы Европейской России – говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний»¹⁴⁶. Уже в XVII в., когда некоторые районы Сибири были достаточно освоены русскими, а местное население ассимилировано, здесь создаются условия для формирования в ряде говоров, например, в томском, средневеликорусских черт¹⁴⁷.

В период Московской Руси, хотя основные русские говоры уже вполне сформировались, шло дальнейшее развитие диалектов, уточнение их границ, нарастание местных особенностей как на территории метрополии, так – и особенно – в пограничных районах, т. е. западной и южной зоне, Сибири. Представляется преждевременным и неточным вывод о том, что «наблюдается полное соответствие ареалов XVII в. современному диалектному членению русского языка»¹⁴⁸. В XVI–XVII вв. продолжается и процесс развития диалектных явлений в лексике, поэтому лексические факты в сочетании с фонетическими и грамматическими должны быть включены в совокупность признаков, различающих те или иные старорусские диалекты.

Коснемся некоторых частных моментов территориального функционирования старорусской лексики. Особый интерес и вместе с тем определенную трудность для выявления представляют междиалектные лексемы широкого, но не общерусского употребления, например, *ушат* – севернорус., среднерус., юго-вост.; *берестень* и *насадка* – севернорус., среднерус., юго-запад. Четкого попарного или погруппового территориального распределения лексем фактически не наблюдается, т. к. лексико-семантические процессы в говорах отличались динамичностью, соседствующие говоры активно обменивались лексикой, а также и потому, что «самый характер лексико-семантических противопоставлений отличается неравномерностью и несимметричностью»¹⁴⁹, что особенно характерно для предметно-бытовой лексики. Примеры лексических соответствий обнаруживаются лишь внутри лексических микрогрупп. Например, если в севернорусских источниках диалектными являются названия рубаш и сарафанов, то в южнорусских источниках им противостоят наименования разновидностей понев, но географического противопоставления слов *сарафан* и *понева* не было, поскольку *сарафан* было общерусским словом.

¹⁴⁵ Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 101.

¹⁴⁶ Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири // А.М. Селищев. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 226.

¹⁴⁷ Палагина В.В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора). Новосибирск: НГУ, 1973. С. 22.

¹⁴⁸ Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М.: Высшая школа, 1980. С. 81.

¹⁴⁹ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. С. 126.

Отметим далее, что диалектное разнообразие в сфере названий женской одежды – результат большего разнообразия и большей изменчивости самой женской одежды. Комплекс мужской одежды носил общерусский характер, поэтому большинство соответствующих слов представлено на всей русской территории. Указанные особенности подтверждаются и на более широком славянском материале, так, в староукраинском и старобелорусском языках по сравнению с русским языком XV–XVII вв. также наблюдается значительное сходство словаря мужской одежды и значительные расхождения в номенклатуре женской одежды. Сопоставление анализируемой номенклатуры в восточнославянских языках данного периода обнаруживает количественно неодинаковый состав групп, разную частотность общих лексем, ср. широкую употребительность в русском языке слов *рубаха*, *рубашка*, *портки*, *порты* в соответствии со столь же распространенными в украинском и белорусском *сорочка* и *шаровары*.

На степень развитости локализмов в той или иной тематической группе иногда влиял сословный характер реалий. Среди названий крестьянской рабочей одежды или обозначений простонародной грубой и поношенной одежды особенно много локальных фактов, функционально одинаковые сосуды для винокурения получили повсеместно название *квасник*, но имелись и местные наименования: *заторник* – севернорус., московск., *спускник* – псковск., вологодск., костромск., *цепник* – белозерск., тверск., вологодск., костромск., *чоп* – южнорусское. Одинаковые сосуды для приготовления теста на значительной территории от Поморья до Рязани получили название *квашня*, лишь в воронежских актах обнаружено наименование *дежа*. Во всех этих случаях диалектные различия основаны на неодинаковом членении одного и того же семантического поля носителями разных диалектов, что выражается различием мотивирующих признаков, аффиксов. Между одними и теми же лексемами на разных территориях возникали неодинаковые семантические отношения.

Диалектный характер часто приобретали и названия, заимствованные из других языков. Центрами таких инноваций были приграничные районы, на территории которых торговые и бытовые контакты с иностранцами были наиболее интенсивными (см., например о смоленском диалекте XVI–XVII вв. как посреднике в усвоении западноевропейских заимствований в книге Е.Н. Борисовой¹⁵⁰).

В истории лексики есть не только случаи расширения ареалов слов, но и факты ограничения территории бытования лексемы, как было со словом *ночвы*, превратившимся из общерусского в локальное явление.

В XVI–XVII вв. речь горожан не была отделена от диалектной речи сельского населения, средством повседневного общения русских был русский разговорно-бытовой язык диалектного характера, в котором имелось значительное число общерусских элементов. Просторечия, понимаемого сейчас как «эмоционально-сниженный пласт литературного языка и наддиалектные, не имеющие изоглосс явления, стоящие, вне литературного языка», в XVI–XVII вв. не было. Мнение об относительном единстве в XVII в. общерусского городского просторечия¹⁵¹ не может быть принято за его недоказанностью. Ф.П. Филин не без оснований предполагал, что «выделение просторечия

¹⁵⁰ Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск: СГПИ, 1974. 160 с.

¹⁵¹ Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М.: Высшая школа, 1980. С. 81.

началось во второй половине XVIII в.»¹⁵². В языке XVI–XVII вв. было представлено следующее противопоставление: народно-разговорное // книжное, при этом в понятие «народно-разговорное» мы включаем диалектные средства и наддиалектные элементы общерусского употребления из устной бытовой речи городского и сельского населения, которые находят отражение в деловой письменности и частной переписке, в разговорниках и азбуковниках.

Единого и общенародного разговорного языка Московской Руси не было. Вся территория России была в равной мере диалектной, в меньшей степени это относилось к Москве и нескольким крупным торгово-ремесленным центрам, как Великий Новгород, Псков, Вологда, Астрахань, в койне которых заметнее проступали общерусские черты, не подавляя, впрочем, местного начала. К сожалению, койне русских средневековых городов на фоне крестьянской речи окружающего региона пока еще не изучены.

По мнению Б.А. Ларина и других исследователей, в XVI–XVII вв. крепнут объединительные тенденции во всех сферах духовной жизни народа, закладываются основы национального бытового словаря, происходит отбор в общерусскую лексическую сокровищницу семантически емких и стилистически выразительных слов из огромного числа книжных, разговорных и общеупотребительных или локальных элементов. Увеличивается число нейтральных общеупотребительных лексем, наблюдается широкое «олитературивание» слов бытовой сферы, ранее функционировавших лишь в отдельных говорах. Решающую роль в этом процессе играют говор и письменность Москвы. В старорусском лексиконе преобладают названия исконного происхождения, они составляют основу формирующегося национального бытового словаря, церковнославянизмы и иноязычные заимствования в нем составляют лишь незначительную часть. Усиливается нормализующее воздействие языка литературно-художественных и описательных сочинений религиозного и светского содержания, они выступают в качестве лаборатории семантико-стилистических проб и экспериментов, но в основном для родовых названий. Отбор лексем из разговорного фонда конкретных названий, из новообразований и заимствований происходил в деловой речи. Деловой речи принадлежит главная роль в формировании русского бытового словаря, в складывании общерусских лексических средств.

ИСТОЧНИКИ

- А. Можайск. – Можайские акты, 1506–1775 гг. СПб., 1892. 525 с.
 АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. I–III. СПб., 1890, 1894, 1908.
 Вел. Зерцало – *Державина О.А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. 437 с.
 ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.
 Вр. Тимофеева – Временник Ивана Тимофеева. – М.; Л. - 1951. 526 с.
 ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
 ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 1–12. СПб., 1846–1875.
 Дворц. разряды - Дворцовые разряды. Т. 1–4. СПб., 1850–1855.
 Дом. Свод. – Чины на свадьбе. Домострой по Коншинскому списку ОИДР // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 166–202.

¹⁵² История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX в. М.: Наука, 1981. С. 7.

- Документ. сказание – *Гухман С.Н.* «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 255–270.
- ДТП – Дела Тайного приказа. СПб., 1907. Л., 1926. Кн. I–IV (РИБ, т. 21–23, 38).
- Заб. Дом. быт – *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1–2. М., 1895–1915.
- КДРС – Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН).
- Космография – Книга глаголемая Козмография сиречь описание сего света земель. СПб., 1878–1881.
- Лет. рус. лит-ры – Летописи русской литературы и древности. Т. 3. М., 1861. 363 с.
- Назиратель – Назиратель. М., 1973. 752 с.
- Номенклятор немецк. – Номенклятор (лексикон на латинском, русском и немецком языках). Амстердам, 1700. 127 с.
- Олонецк. сб. – Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1895. 567 с.
- Опис. аптек. – Опись аптекарскому и иным дворам и Московского и иных городов уездов волостям и селам и заводам, которые ведомы были приказу тайных дел в 1677 г. // Зап. отд. русской и слав. археологии имп. Русского археологического об-ва. 1861. Т. 2. С. 44–125.
- Перс. д. – Памятники дипломат. и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1–3. СПб., 1890–1898.
- Пов. XVII в.; Рус. пов. – Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. 480 с.
- Пов. о Морозовой – Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1977. 160 с.
- Пов. об Улиянии – *Скритиль М.О.* Повесть об Улиянии Осорьиной (комментарий и тексты) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 256–323.
- Пр.-расх. кн. Синбирск. приказной избы – *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Синбирска и его уезда. Симбирск, 1896. 280 с.
- Пролог – Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. 288 с.
- РИБ - Русская историческая библиотека.
- Рус.-кавказ. – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1 (1578–1613). 715 с.
- Сатира 17 в. – Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977. 257 с.
- Семевский – *Семевский М.И.* Историко-юридические акты XVI–XVII вв. СПб., 1892. 73 с.
- Срезн. Опис. рук. – *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собр. для имп. АН в Олонецком крае. СПб., 1913. 688 с.
- ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Шумаков – *Шумаков С.* Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.). // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1902. Кн. 2. 281 с.

СЛОВАРИ

- САР – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6. 4046 с.
- Сл. XI – XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. Т. I - XI. М.: Русский язык; Азбуковник, 1988–2016 (издание продолжается).
- Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, 1984. 144 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. - Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 – 30. М.: Наука; Азбуковник, 1975–2015 (издание продолжается).
- СОРЯ - Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков. - Вып. 1–7. СПб.: Наука, 2004–2016 (издание продолжается).
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–2016. Вып. 1–40 (издание продолжается).